

Борис Ряховский

СЧАСТЛИВЫЙ

ДОМ

Издательство «Детская Литература»

БОРИС РЯХОВСКИЙ

СЧАСТЛИВЫЙ ДОМ

ПОВЕСТЬ

Москва
«Детская литература»
1976

Рисунки А. Сколозубова

Ряховский Б. П.

P99 Счастливый дом. Повесть. Рис. А. Сколозубова. М., «Дет. лит.», 1976.

96 с. с ил.
Повесть о приключениях отряда гидрогеологов, который ищет воду в казахстанской степи.

P 70801-474
M101(03)76 071-76

P2

©ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА». 1976 г.

Много лет назад парнишка, по фамилии Колякин, ходил с родителями в Казахстан покупать корову.

Корову они купили хорошую, возвращались счастливые.

Шли по степи, вели корову на верёвке. Однажды вечером с холма увидели костры. Спустились на свет, на песни и оказались в селении, среди столов с едой, украшенных цветами. Играл оркестр, шумело застолье. Сквозь свет костров с топотом проносились хороводы. Ахали девушки, кричали парни: «Ноги береги!»

Отражался свет в глазах, в зеркально-начищенных сапогах, в монистах.

Усадили Колякиных за стол. Отцу поднесли стопку белого, матери рюмку красного, а сыну налили кислого шипучего молока, по-казахски, айрана.

Подходили к ним хозяйки, просили:

— Дорогие гости, покушайте моего холодца!

— Попробуйте моей капусты, у меня засолка с секретом.

— Беляшей моих отведайте, гостеньки.

Стоял рядом весёлый парень Ваня, у каждой хозяйки брал с тарелки угощение, накладывал Колякину.

— Ешь! — сказал Ваня.

— Пока не почернёшь! — засмеялся отец.
— А почернешь, так помаячишь! — закончила мать.
— Что у вас за праздник такой? — спросил у Вани Колякин.

— У добрых людей что ни день, то праздник, — ответил весёлый Ваня. — Сегодня у нас конкурс под названием: «Кто вкуснее угостит, кто умнее скажет».

Мать Колякина попросилась участвовать в конкурсе: дескать, испеку пирог с рыбой.

Застолье поднялось, двинулось к речке. Мужики растянули бредень на берегу. Разделись, побросали пиджаки и брюки на кусты и полезли в чёрную воду.

На берегу зажгли костёр. На свет выбегали женщины с охапками сушняка, швыряли его, отскакивали, отброшенные огнём.

Мужики вытаскивали бредень на берег. Колякин раскладывал полотно бредня, выхватывал рыбину, поднимал над огнём. Рыбина раскрывала перламутровую пасть, билась, и с алых плавников в огонь летели брызги.

Вернулись в посёлок. Тут уж мать Колякина раскатала тесто. Живо, в десять рук, помощницы начистили рыбу, и вмиг листы с пирогами были в духовке. Мужики едва успели вернуться за столы, как мать подала рыбные пироги.

— Это как же есть ваш пирог? — спросил Ваня у Колякина.

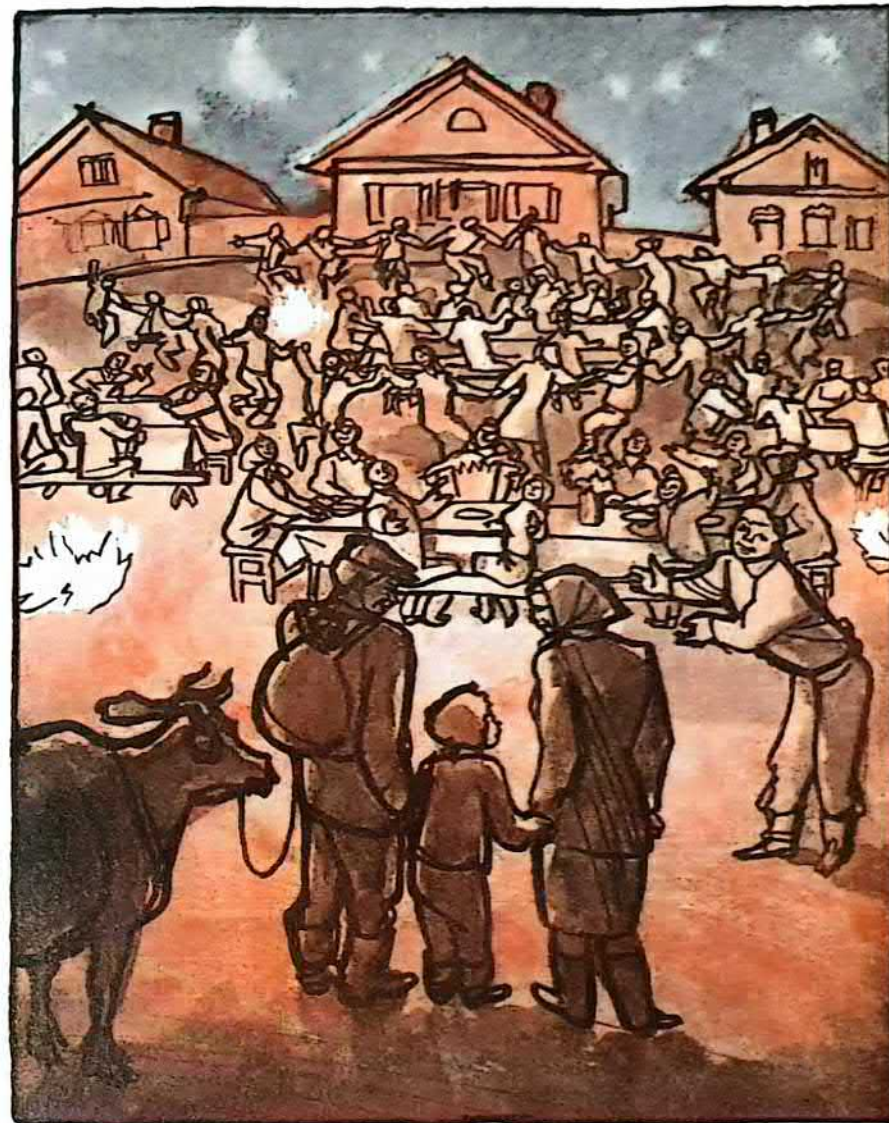
Колякин показывал. Снял верхнюю корку, и в лицо ему ударил сочный парок.

— Дальше смотрите, — сказал Колякин. Он поддел вилкой пласток рыбы, кости выхватил, пристроил их на край тарелки. Рыбу в рот и следом откусил от верхней корки.

— С хрустом кусать? — спросил Ваня.

— С хрустом, — ответил Колякин.

Ели хозяева пироги, хвалили.

Встал Ваня, сказал:

— Определяем победителей на нашем конкурсе «Кто вкуснее угостит, кто умнее скажет».

Подсчитали поднятые руки, и присудили победу Колякиным за их рыбный пирог.

— А сказали наши гости так: «Ешь, пока не почернешь, а почернешь, так помаячишь», — продолжал весёлый парень Ваня.

Засмеялось застолье, и вторую победу присудили Колякиным.

Упала звезда, и отец, и мать, и сын их Колякин одновременно сказали:

— Чур, моя!

Отец сказал:

— Загадал я, чтобы мы были живы-здоровы.

Мать сказала:

— Загадала я желание — чтоб мы всегда были вместе.

— А я загадал, — сказал Колякин, — чтобы всегда жили мы весело и счастливо, как сейчас живём.

Прощаясь, Колякин обещал Ване писать письма с Урала. Вернулся домой, писал письма Ване, а тот отвечал.

Вырос Колякин, пошёл плотничать, а там вошёл в возраст, и полетели годы. Родителей он схоронил, остался один. Всё вроде у него было как у людей — и дружки, и работа, и дом свой.

Но вдруг Колякин продал родительский дом. Деньги положил во внутренний карман пиджака и заколол булавкой. Уложил в рюкзак плотницкий инструмент и написал Ване в Казахстан такое письмо:

«Здравствуй, Иван Парфентьевич!

Продал я родительский дом, сегодня выезжаю к тебе. Родня срамит. Сдурел, говорит, опомнись. Живи по пословице: как люди, так и Марья-крива. Куда тебя несёт?.. Си-

ди, гляди в телевизор. Всё у тебя есть — и родня, и дружки, и дом свой.

А я им отвечаю: счастья нету!

А они надсмехаются: что же, в Казахстане счастье, как мороженое, продают? А я им отвечаю: в Казахстане жизнь солнечная, весёлая. Рассказываю про ваши обычаи: дескать, вечером расставляют на площади столы, несут постряпушки, всяку всячину, кто чем богат. Пируют, костры жгут, песни поют.

А родня не верит. Злится: это что за посёлок такой, каждый день праздник! сегодня Трифона-гуслиста, завтра Павла-бандуриста! Тут самые богатые за неделю добро распушат, в райсобес за пособием пойдут!

Словом, ругаются и родня, и соседи, и товарищи — говорят, я еду искать вчерашний день.

А того не понимают, что адрес посёлка у меня точный, а еду я к старому другу-товарищу.

Остаюсь твой друг Колякин Павел Петрович».

**ГЛАВА ПЕРВАЯ,
в которой Колякин
приехал в Казахстан
за счастьем**

ПЕРВЫЙ ЧАС В КАЗАХСТАНЕ

Остановился поезд Колякина на полустанке. Выглянул Колякин в окно, увидел столб со щитом. На щите написано:

«Вы пересекли границу Казахстана! Добро пожаловать, дорогой друг!»

Под щитом стоял казах в форме железнодорожника. За плечами мешок, а в руках арбуз.

Колякин выскочил из вагона, замахал железнодорожнику: «Здравствуй!»

Железнодорожник кинулся к нему,дохнул жарко, толкнул Колякина в живот арбузищем:

- На!
- Мне?
- Бери!

Дёрнулся поезд, покатился. Железнодорожник посадил Колякина на подножку, прокричал:

- Кушай, друг!..

Колякин с арбузом пробрался по проходу на своё место, схватил рюкзак, сказал соседям радостно:

- Выхожу!.. Прощайте!

— Приехал?.. Нашёл свой весёлый посёлок?
— Здесь погощу!.. Уважу хозяина!.. Бери, говорит, арбуз! Ешь на здоровье!

— Бесплатно?

— Казахстан!.. Такие люди живут!..

Колякин вылез на подножку, увидел: бежит железнодорожник за вагоном, тянет руку, мешок скачет по спине.

Колякин спрыгнул, упал, покатился кубарем, рюкзак стукнул его по голове. Но арбуз Колякин уберёг. Вскочил, замахал рукой подбежавшему железнодорожнику:

— Не беспокойся, я ловкий, не ушибся!..

— Деньги давай! — прокричал железнодорожник.

Опомнился Колякин, сказал:

— Эх, ты!..

Швырнул арбуз и пошёл прочь.

Железнодорожник постоял над мокрым местом. В ярости сорвался и побежал за Колякиным. Тот бросился от погони.

— Давай деньги! — кричал железнодорожник.

— Далеко карман пришит! — кричал в ответ Колякин.

— Сдавайся!

— Обидно мне, парень!.. — кричал Колякин. — Я упал, а ты нисколько не торопишься!

Тяжёлый рюкзак с плотницким инструментом колотил Колякина по спине, он задыхался, и ноги его подгибались. Но железнодорожнику с мешком на плечах было ещё тяжелее.

Убежал от него Колякин.

Очутившись в дикой степи, Колякин из-под ладони оглядел окрестности и высмотрел в одной стороне линию железной дороги и полустанок, в другой — чуть видимую на краю степи ниточку пыли. К полустанку возвращаться было невозможно, там ждал его железнодорожник. Коля-

кин рассудил: пыль на горизонте поднята машинами, следовательно, в том месте проходит дорога. И пустился в путь по степи.

САЙГАК

Шёл он долго, изнемог от жары, то и дело снимал кепку и изнанкой вытирал голову.

По глубокому оврагу он вышел к озерцу и ахнул: тысячное стадо рыже-серых животных пило, свесив горбоносые головы.

— Сайгаки! — воскликнул Колякин.

В тот же миг дрогнула земля под тысячами копыт — стадо шарахнулось, выплеснулось из низины, понеслось в пыли, в дробном топоте.

— Чего испугались! — с досадой прокричал Колякин. — Не обижу!

Но хвост стада уже скрылся в пыли.

Из пыльной мути на Колякина выскочил хромой сайгак с большими рогами.

— Куда тебе, грешному, с хромой ногой! — закричал ему Колякин. — Стой, подлечу!..

Зверь в испуге повернул и скатился в овраг.

— Расшибся, поди!.. — сердито сказал Колякин, побежал за сайгаком.

С края обрыва увидел зверя внизу под собой. Тот замер где-то в боковом ответвлении оврага.

Колякин ухватился за колючий куст чилижника и стал осторожно спускаться на дно оврага, но выдрал куст с корнем и поехал вниз.

Сайгак увидел перед собой Колякина, нацелился на него рогами и попятился. Он вздрагивал всем телом, его хобо-

тообразный нос дёргался. Колякин растопырил руки и было пошёл на него. Но овраг был широкий, и сайгак мог с лёгкостью проскользнуть под рукой.

Сообразив такое, Колякин пошёл на сайгака поскакушкой. Он приплясывал, помахивал свободной рукой и пел:

Сайгак-дурак,
По базару ношен,
Три копейки прошено.
Никто его не любит.
Никто гроша не даёт,
Никто даром не берёт!..

В танце Колякин приблизился к сайгаку и допел:

Мы сайгака любим,
Мы сайгака купим!..

Сайгак пятился, пятился и прыгнул. Мелькнуло в прыжке белое брюхо. Колякин прыгнул ему навстречу, поймал сайгака за рога.

Сайгак забился с утробным щенячьим визгом, когда Колякин ухватил его за ноги и перевернул брюхом кверху. Колякин ахнул: копыто задней ноги у сайгака разбухло, налилось водянисто-зелёной жидкостью.

Колякин сел верхом на сайгака, достал из рюкзака сапожный нож в кожаном чехле и пузырёк с йодом. Предупредил: «Терпи!», ковырнул концом ножа большое копыто и достал остробокий камешек. Затем поправил о ладонь лезвие ножа и быстрым движением надрезал кожу выше копыта. Сначала выпустил ядовитую жидкость, потом прямо из пузырька плеснул йодом на рану. Животное дёрнулось и затихло.

Колякин насчитал пятнадцать витков на сайгачьих рогах. Каждый виток означает год жизни.

Старый был сайгак, старый и хромой.

— Пока не заживёт, от себя не отпущу, — сказал Колякин сайгаку и стал вытаскивать его из оврага.

Колякин тащил его за рога вверх по обрыву, пыхтел, ругался, кричал:

— Пользы своей не понимаешь?

Сайгак как осатанел — то с непостижимой силой кидался вперёд и волочил за собой Колякина, а то упирался, бороздил глину раскоряченными ногами.

«Замотать ему голову, он присмирееет!» — придумал Колякин и снял пиджак.

Он обернул голову сайгака пиджаком, затянул узлом рукава на шее. Собрался было вскинуть его на спину. Как вдруг сайгак взвился, и Колякин выпустил его рога.

Колякин стоял в оцепенении, смотрел, как сайгак уно-

сился в степь. Пиджак мотался на его рогах, взмахивал рукавами.

— Стой!.. Деньги в пиджаке! — закричал Колякин. — Деньги на новый дом!

А ХУЖЕ НЕКУДА

Колякин схватил рюкзак и побежал вдогонку за сайгаком.

Уж покружил он, бедный, по степи, побегал — всё надеялся, что сбросит зверь пиджак. Только и нашёл, что зеркальце. Сайгак сослепу налетел на холмик суслиной норы, тряхнул пиджаком, зеркальце и вылетело.

— Деньги-то не вылетят, — горестно сказал сам себе Колякин. — Тремя булавками карман зашпилен...

Шоссейную дорогу высматривать было без толку — понял он теперь, что не машины пылили по краю степи, пылило стадо сайгаков.

Колякин спустился к озеру — напиться и умыться в дорожку. Пробрался к воде по жидкому, глинистому берегу, избитому копытами.

Горько-солёной оказалась вода. Подивился Колякин ещё раз необыкновенному животному сайгаку, что бежит на трёх ногах с замотанной башкой и пьёт солёную воду.

Шёл Колякин и пел байки в маршевом ритме, с присвистом:

Баи-баи-баиньки,
В огороде бариньки,
Не больши,
Не малыньки.
Ух, бегают, режут!
Ух, мне спать не дают!..

ГЛАВА ВТОРАЯ, которая малёхочко повеселее первой

ПОПУТЧИКИ

Издали, из пустого пространства степи на Колякина выехала колонна машин.

Впереди шли большегрузные машины с буровыми станками, выбрасывали вбок кручёные дымы. Чугунно-тяжёлые колёса оставляли в сухой глине зубчатые следы, похожие на застёжку «молния».

Предпоследний грузовик поравнялся с Колякиным и стал. Распахнулась дверца, на подножку вылез казах в соломенной шляпе, спросил:

— Не по дороге ли нам?

Сказал Колякин название посёлка.

— Знаю такое место, — ответил казах. — Но подвезти не сможем, спешим в город.

— Спасибо на добром слове, — сказал Колякин.

На колякинский голос из другой кабины появился могучий усач, позвал Колякина:

— Погоди-ка, ты поговору вроде наш, уральский.

— Земляки, выходит, — обрадовался Колякин, рассказал о своих бедах — о железнодорожнике с арбузами и хромом сайгаке.

Усач, а за ним и казах в соломенной шляпе принялись смеяться.

— Дураки, залюбуешься каки, — сказал Колякин, обиженный их смехом.

Отсмеявшись, могучий усач спросил:

— Так ты по чю сюда в Казахстан приехал?

— По то же, по чю ты, — ответил Колякин. — По счастье и приехал.

Могучий усач поглядел на казаха в соломенной шляпе. Тот поглядел на усача, а затем сказал Колякину:

— Вы не спешите?.. В городе нас ждёт новое задание. Может быть, нам окажется по дороге.

— Это годится, спасибо, — обрадовался Колякин. — Мне не на свадьбу. А зовут меня Павел Петрович Колякин.

Казах назвался Нурышем, начальником гидрогеологического отряда. Показал на могучего усача:

— Дядя Миша, наш буровой мастер.

— Это как понимать — гидрогеологический отряд?

— Одни геологи ищут нефть, другие золото, третьи руду. А мы бурим землю, ищем подземные реки и моря.

Дядя Миша следом за Колякиным втиснулся в кабину последнего грузовика, хлопнул дверцей.

— Шёл бы ты в другую машину, задавишь так, — пожаловался Колякин. — Не вздохнуть ведь...

— Зато не выпадешь.

— Как это я выпаду, здрасте пожалуйста, полоротый какой?..

Поглядел Колякин на дядю Мишу и догадался, что земляк поручился за него, пообещал, что Колякин не доставит забот отряду.

В тот же день колонна гидрогеологического отряда добралась до города.

Нурыш объявил:

— Шофера, буровые мастера и их помощники — по домам, отдыхать. А я к начальству за новым заданием для отряда.

Дядя Миша позвал Колякина с собой: дескать, чего тебе здесь у машин топтаться.

Колякин рассудил: буровых мастеров много, одного оставят и не спохватятся, а вот уж без начальника колонна не уйдёт. Он увязался за Нурышем.

В шумном учреждении Нурыш оставил Колякина в коридоре и ушёл.

Колякин посидел-посидел — не идёт Нурыш. Встревожился, стал заглядывать в двери, нашёл его за дверью с табличкой: «Главный гидрогеолог». Колякин тихонько стоял в дверях, слушал.

— Как у нас в степи говорят?.. Не спрашивай, сколько у меня земли... — начал главный гидрогеолог и тут увидел голову Колякина в дверях, спросил: — Вы ко мне?

Колякин закивал: «Не помешал?»

— Входите, берите стул и садитесь, — скомандовал главный гидрогеолог и продолжал: — Итак, у нас в степи говорят: не спрашивай, сколько у меня земли...

Распахнулась дверь, вбежал казах с портфелем под мышкой, выдохнул:

— Уфф! Тёс есть! Кирпич есть! Каменщиков ищу — нет. Плотников ищу — нет!.. Дела много, потому опоздал!

— Опоздали, только не к нам! — сказал главный гидрогеолог. — Не мешайте работать!

— Ай, извините! — выкрикнул человек с портфелем и убежал.

— Так вот, у нас в степи говорят: не спрашивай, сколько у меня земли, спроси... — начал было главный гидрогеолог, но в дверях вновь возник казах с портфелем.

— Но ты, понимаешь, сам меня приглашал. По телефону! — заявил он.

— У нас все дома! — рывкнул главный гидрогеолог. Человек с портфелем исчез.

— Так вот, глядите. — Главный гидрогеолог показал карту Нурышу. — Здесь травянистая долина, закрытая от ветров, одним плоха — безводна. Поезжайте, бурите в долине, ищите воду. Найдёте воду, в долине поставят посёлок, заложат совхоз.

В тот же миг в кабинет влетел казах с портфелем и выкрикнул:

— Всё правильно! Совхоз — в долине! Я директор!..

— Так вот же директор совхоза! — показал главный гидрогеолог на Колякина.

Колякин успокаивающе помаячил: дескать, ничего, товарищи, и сказал:

— Я плотник, фамилия Колякин, еду с Урала, сюда пришёл с Нурышем.

— Кирпич есть, лес есть, шифер есть, каменщиков ищу — нет, плотников ищу...

Тут директор будущего совхоза ахнул, бросился к Колякину и поймал его руку:

— Дорогой товарищ Колякин, поступайте к нам на работу!

Колякин в ответ сказал, что направляется в такой-то посёлок, что ждут его там, письмом предупредил. Вот гидрогеологи, спасибо им, обещали подбросить.

— Ай, у нас будет посёлок красивее, совхоз богаче! Давайте к нам!

Колякин отмахнулся: дескать, нету ему никакого резона с пути сворачивать. Директор будущего совхоза и главный гидрогеолог склонились над картой, а Колякина попросили выйти, чтобы, дескать, не мешал.

Из коридора Колякину было слышно, как директор сердито сказал Нурышу, что ему даётся срочное задание и потому некогда ему будет развозить по друзьям всяких там Колякиных. Зашуршали бумажные листы — это главный гидрогеолог разворачивал геологические карты. Нурыш чего-то спрашивал, главный гидрогеолог отвечал. Малопонятные слова утомили Колякина, он задремал.

Разбудил его Нурыш, сказал, что совещание кончилось.

— Не понял я, по дороге нам или как? — спросил Колякин.

— Довезём, — ответил Нурыш.

ЗДРАВСТВУИ, ГОРОД!.. И ПРОЩАИ!

Поутру, отряд покидал город.

— Павел Петрович, тебе места в моей машине не будет, — сказал дядя Миша Колякину. — Мне дали нового помощника. Вон он идёт, усатый-бородатый.

Появился парнишка — казах с реденькими, чуть заметными усами и такой же реденькой бородкой.

Нурыш представил его буровикам: зовут Абу, будет помощником бурмастера... В экспедицию едет впервые, только что десятилетку закончил.

— А чего это у тебя под носом? — спросил у Абу один буровик. — И на подбородке?..

— Запачкался, — объяснил второй первому.

— Абу, иди умойся, — посоветовал третий.

Дядя Миша прикрикнул на буровиков, и те отправились по машинам. Абу поспешил забраться в кабину.

Для Колякина нашлось место в кабине головной машины — она была загружена продуктами, палатками, бочками, для воды.

Колякин сидел рядом с поварихой, глазел по сторонам.

Машины сбавили ход, когда на проезжей части улицы стал попадаться народ, и наконец завязли в толпе возле пятиэтажного дома. Из переулка, из дворов набегала детвора с криками: «Пожар!»

А глядеть было нечего. Пожарники уже взяли верх над огнём, лишь в углу, из-под развороченной крыши петушком вылетало пламя. Тут же его сбивали хлыстами воды, огненный петух всплёскивал крыльями и проваливался между стропил.

На балконе четвёртого этажа топталась растрёпанная тётка, держала, как булаву, настольную лампу и кричала:

— Вам нет дела до одинокой женщины! Сгори она!.. Да я вас привлеку!

Кричала всё это тётка вниз, во двор, где расхаживали пожарники в своих плоских, будто фанерных, куртках и штанах.

— У тебя не горит! — кричал ей один пожарник.

— Скройся, тётка, не галди! — весело вторил второй.

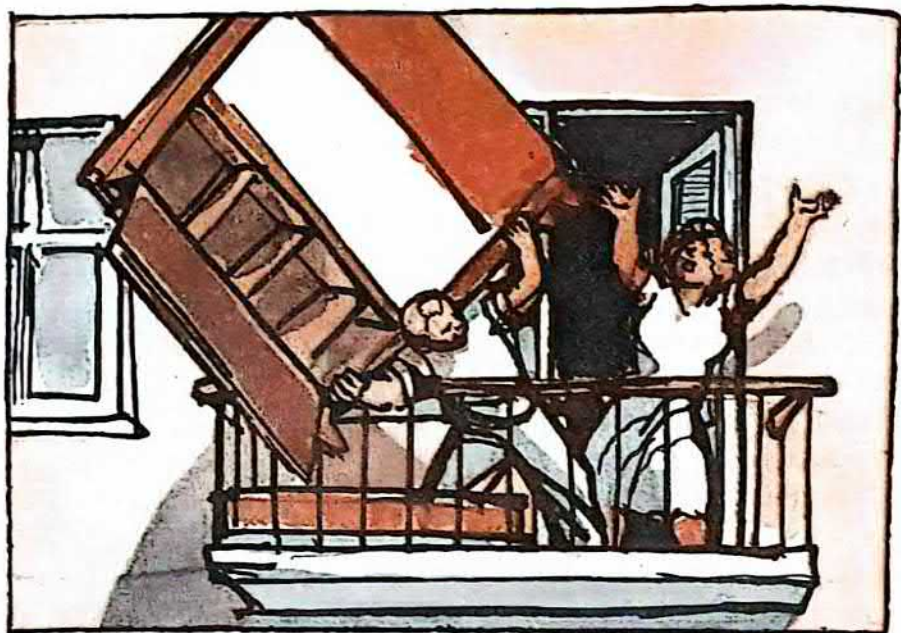
Пожарник с багром добрался до угла крыши, подцепил багром нагромождение железных листов. Заскрежетало, пушечно грохнуло, из чёрной ямы между стропилами вывалился клуб дыма. Струи брандспойта скрестились над ямой. Блеснул, издыхая, последний огонь, двор обдало сырым жаром.

— Мебель выносите! — пронзительно, переходя на визг, закричала тётка. — Спасите!..

— Бегу-у! — тонко отозвался Колякин из кабины головной машины.

В воротах Колякин проскользнул под рукой милиционера, скакнул через пожарные шланги и исчез в подъезде.

— Я на вас заявлю! — продолжала кричать тётка. — Халтурщики! Выносите мою обстановку!

За спиной у тётки сверкнуло. То был не огонь: солнце полыхнуло в зеркале шкафа. Колякин выволок шкаф на балкон, поставил на перила. Завёл было руку за шкаф, намереваясь перехватить его бельевой верёвкой, но тётка вцепилась в него:

— Куда!..

Колякин выпустил шкаф. Тот перевалился через перила, полетел, распахнул дверцы — как бы зевнув, и углом врезался в землю.

Колякина как слизнуло с балкона.

Тётка настигла Колякина во дворе. Подоспел дядя Миша, вырвал Колякина из её рук, продрался с ним сквозь толпу и втолкнул в кабину грузовика. Тотчас подскочила тётка, с неженской силой задёргала ручку дверцы. На её вопли к машине прихлынул народ.

— Отдайте мне этого хулигана, я с ним своим судом расправлюсь! — крикнула тётка.

Дядя Миша чуть опустил стекло дверцы, сказал в щёлку басом:

— Он тебя выручал, а ты пошто ему воротник оборвала?

Тётка встала перед машиной, руки кренделями в бока.

— Выручальщик нашёлся!.. Какая цена гарнитуру без шкафа?

Нурыш сделал дяде Мише знак и, когда тот ещё ниже опустил стекло дверцы, сказал:

— Шкаф деревяшка, он не стоит вашей ярости!

Тётка вскочила на подножку, запустила было руку в кабину и, норовя ухватить Колякина, закричала:

— Ишь, подобрался какие! Стыдят! Это где же вы видали людей, которым новый гарнитур не жалко?

Колякин, зажатый между Нурышом и дядей Мишей, выкарабкался и распахнул дверцу кабины. Очутившись над толпой, он сказал в ярости:

— Где видали?.. А у нас! В посёлке!

Толпа ответила ему смехом и гоготом. Одни смеялись над словами Колякина, другие над ним самим — коротким человечком с детским чубчиком на круглой голове. Он потешно поддёргивал великие ему брюки и заправлял рубаху. Тётка было сцапала его и потянула с подножки, да Нурыш выхватил Колякина из её рук.

Народ смеялся — смеялись весело, злорадно, смеялись беспричинно, потому что веселил смех окружающих. Но выходило, будто все смеялись над Колякиным. В обиде он кричал в толпу:

— А вот у нас не станут отрывать воротник из-за шкафа! У нас одно знают: как друг дружке угодить, что подарить, чем обрадовать!..

— Во заливает! — смеялась толпа.

— Как вечер, каждый готовит своё любимое кушанье, несёт его на площадь! — размахивал руками Колякин. — Там столы! Под деревьями! Угощают друг друга, песни поют! Гармошки! Фонтаны хлещут, как в Москве на выставке народного хозяйства! А пляшут!.. С коленцами, с вывертами, с хитрыми разворотами. Только подмётки летят!

Тётка крикнула:

— Никогда не поверю!

— Там даже собаке «вы» говорят, — сказал Нурыш, его глаза-щёлочки сверкнули и погасли. — Там кумыс, какой я только в детстве пил.

— А честные женихи у вас есть? — крикнула тётка.

— Слыхала такое: «невеста без места, жених без ума»? Так это не про нас!

— Во расписывает, во складно врёт! — улыбался, гоготал, пританцовывал народ.

Тётка схватила Колякина за штанину:

— Давай твой адрес! Проверю!

— Нет ещё у меня точного адреса! — развёл руками Колякин.

Теперь хохотали над тёткой. Она разревелась:

— Гарнитур исковеркал! Клоуна из меня строит!

Колякин погрозил толпе кулаком, и когда та растерянно смолкла, с пылом сказал тётке:

— Я тебя жалею! Одинокая ведь, без мужа, при одном крыле, считай.

— Жалеешь, как же! А про женихов врал, изгалялся надо мной!

— Не врал я про жениха-то! Есть такой, ему сорок лет, обстоятельный, видный собой, не утлый мужик — только ему и свататься к тебе, этакой боевой.

— Не ты ли уж женишок? Женишок с ноготок! Метр с шапкой! — выкрикнули из толпы.

Тётка несмело спросила, так тихо, что слышал один Колякин:

— Так уж я ему и поправлюсь?

— Понравишься! — Колякин улыбнулся. — Ты собой хороша, здоровая, хозяйственная, всякий позарится...

Тётка утёрла слёзы, улыбнулась, поправила на груди оборки платья — и все вокруг увидели, что перед ними цветущая женщина.

— Это как же вас звать-величать? — спросил Колякин сладким голосом.

Смех толпы прошиб визгливый голос:

— Опять Колякин! Ай, вредитель!.. Тёс есть! Цемент есть! Отары ждут! Только воды нет! А он всю колонну задерживает! — В толпе всплыл директор будущего совхоза. Он погрозил Колякину кулаком.

Шофёр дал гудок, качнулись мачты буровых станков: тронулась колонна.

Тётка догнала машину, побежала. Прокричала:

— Зовут меня Надежда Матвеевна. Мой номер телефона 29—13!..

Уплыл пятиэтажный дом с развороченной крышей, отодвинулась толпа. Улица впереди была пуста. Дядя Миша остановил машину, вздохнул:

— Нурыш, слово даю, что уж в другой раз Павел Петрович нас не задержит, нет!.. Абу, поезжай в головной машине, Павел Петрович со мной поедет.

Абу заявил, что к поварихе он не пойдёт, это его машина, его станок!

— У казахов гость — первый человек! — сказал Нурыш, так он это сказал, что Абу хлопнул дверцей и убежал к головной машине.

Вырвалась колонна из города на чёрное, липкое от жары шоссе и понеслась с гулом и свистом.

Отошли, как берега, огороды — пышные, оперённые трепещущими листьями кукурузы, пронизанные искристыми нитями арыков. Накатывала волнами степная равнина, раскачивало машину. Полоскались на ветру перья ковылей.

ТУРИСТ В ПОЛОСАТОМ ПИДЖАКЕ

Навстречу колонне вылетел велосипедист. В тот миг, когда он поравнялся с грузовиком, глаза у Колякина вспыхнули, как индикаторы радиоприёмника при настройке на волну.

— Мой пиджак на нём! — вскричал Колякин. — Заворачивай!..

Дядя Миша, закидывая руки, завертел баранку, машина описала петлю, догнала велосипедиста и загородила дорогу.

Дядя Миша и Колякин бросились к велосипедисту. Колякин стащил с него пиджак, обшарил карманы и командовал:

— Подавай сюда деньги!

Стала колонна, сбежались буровики. Испугался велосипедист, когда окружили его двенадцать здоровенных мужиков, съёжился:

— Какие деньги?

— А такие! Четыре тысячи! Отпирается ещё!.. — завопил Колякин. — Бесстыжая твоя рожа! Вот они тут лежали, во внутреннем кармане!

— Я вас не понимаю! Это мой пиджак...

— Что я, свой полосатый пиджак не знаю!

Дядя Миша взял из рук Колякина полосатый пиджак, развернул и кивнул: надевай. Оказалось, что полы и рукава висели до колен, а борта не сходились.

— Извините! — Колякин не знал куда глаза девать. — Обманулся.

— Что случилось? — не понимал велосипедист. Колякин махнул рукой:

— А, горе с нуждой, наказание... боле ничего.

Нурыш рассказал велосипедисту про сайгака, убежавшего с пиджаком на рогах.

— Я помогу вам! — заявил велосипедист. — Всем, кто встретится мне на дороге — шофёрам, пионерам, геологам, — всем расскажу о сайгаке с пиджаком на рогах.

— А вы кто будете? — крикнул ему вслед Колякин.

— Турист!.. Еду из Алма-Аты в Ригу.

СУХОЙ КОЛОДЕЦ

Опасно бездорожье в ночной степи. Дядя Миша сжимал баранку в руках, когда колонна обходила чёрные провалы оврагов. Иногда колесо грузовика попадало в лисью нору, и станок качал мачтой, грозя опрокинуть машину.

Но вот колонна стала. Стихли моторы.

Нурыш сказал:

— Заночуем здесь у чабана. Выпьём холодной воды. Здесь колодец.

Буровики покидали разогретые машины и шли к юрте со спальными мешками в руках. Они предвкушали ужин, вкусный чай и сон на прохладной земле.

Из темени на оголённое светом пространство вышел чабан. Он заговорил с Нурышем по-казахски. Тот выслушал старика и указал буровикам на круглый каменный выступ колодца:

— Беда, здесь колодец обвалился; отара без воды.

В темноте чёрным пятном шевелилась отара. Появилась овца и стала возле сухой колоды.

Чабан выслушал Нурыша, принёс толстую волосяную верёвку. Нурыш обвязался, прицепил к поясу фонарик. Начали его опускать в колодец.

Буровики сгрудились вокруг каменного колодца. Глядели в чёрную дыру, переспрашивали чабана:

— Отец, сколько, говоришь, тут глубины?

— Шестьдесят метров будет, — отвечал чабан. — Десяносто метров будет.

Нурыш посигналил верёвкой, его выволокли, он отдышался, стал рассказывать:

— Верхняя часть колодца шире, облицована камнем. Ниже круглые камни с дырками посередине лежат друг на друге, как баранки. Сдвинулись баранки, дырки не совпа-

дают. Кулак мой проходит, а ведро никак не пройдёт.

Дул холодный ветер, на крыше юрты загнутым углом хлопала кошма. Овцы лежали неподвижно, они тяжело дышали. Сторожевые псы не поднимали голов: ослабели от жажды.

Пала роса. Белая полынь, осока-черноголовка, кустики верблюжьей колючки — всё стало седым. Степь затуманилась.

Овцы, что были посильнее, поднялись и стали разбредаться — лизать влажные веточки полыни. Чабан ушёл в глубь отары, расхаживал там, расталкивал овец. Отыскав ягнят и вконец ослабевших овец, брал на руки, относил в сторону, чтобы не затоптали их.

Собаки пытались удержать овец в отаре. Проходивший мимо Колякина волкодав, лохматый, с огромной головой, зашатался, лёг и заскулил, жалобно и просительно, как щенок. Колякин погладил пса, тот лизнул ему руку.

Один лишь верблюд был спокоен. Безразличный к тревогам людей и жалобам животных, он мерно двигал челюстями, пережёвывая корм.

Буровой мастер дядя Миша спросил у чабана:

— До соседнего колодца далеко? Самых слабых овец и ягнят мы сможем отвезти на машинах.

Чабан ответил:

— Соседний колодец поит свою отару. В нашей степи при водопое колодцы вычерпывают до дна...

ССОРА

Отдыха не вышло. Нурыш велел собираться в путь. Пыхнули, застучали машины, выбросили в степь перья света.

Колякин замахал короткими ручками:

— Ребятà, да что вы, отступились?..

Его не слушали. Он достал из рюкзака фонарик, повесил на шею.

Обвязался верёвкой, позвал:

— Ребята, спускайте меня.

Его приготовления видели, однако ни один буровик не откликнулся. Тогда Колякин привязал второй конец верёвки к бетонной колоде, вскочил на выступ колодца — и вмиг исчез, как нырнул. Подскочивший Нурыш не успел его задержать.

Подождали, подождали, нет Колякина и нет, испугались.

По команде Нурыша ухватились за верёвку, стали тянуть, да так торопливо, что вмиг над выступом кладки показалась голова Колякина. В шесть рук подхватили его, поставили на землю. Он пыхтел, хрипел, издавал звуки, которым и названия нету.

— Я отвечаю за вас, Павел Петрович! — Нурыш был зол. — Вы едете с нашей колонной. Садитесь в машину, немедленно отправляемся.

Колякин, не отвечая, взял свой рюкзак из кузова машины и достал из рюкзака зубило, молоток и фонарик.

— Паша, куда ты с таким инструментом, — сказал дядя Миша просительно. — Паша, ты здешних колодцев не знаешь...

Нурыш прервал его:

— Павел Петрович, не самовольничайте, не то я вас здесь высажу.

— А я и сам с вами не поеду — шибко быстро ездите, — сказал Колякин. — Мимо чужой беды чуть не проехали!

Он спустился в колодец, а буровики разошлись по ма-

шинам. Однако колонна не трогалась: у колодца оставался дядя Миша.

— Поехали! — кричали ему из кабины.

Не отзывался старый буровой мастер.

Захлопали дверцы машин, вылезали буровики, подходили к колодцу. Наваливались грудью на его каменный выступ, прислушивались.

— Чего-то не слышно, — сказал с тревогой Нурыш. — Как бы не завалило...

Дядя Миша скинул куртку. Сунул за ремень острый штырь и топор, поплевал на руки, предупредил:

— Дёрну два раза — тяните! — и стал спускаться в колодец.

Дождались сигнала, ухватились за верёвку, мигом выдернули Колякина. Он брыкался и кричал в горловину колодца:

— Михаил, чего руки-то распускаешь? Я ведь сдачи могу дать!

Из глубины колодца донеслись глухие удары и звяканье железа.

ЕСТЬ ВОДА!

Поднялся из колодца дядя Миша. Он тяжело дышал, руки подрагивали, когда он развязывал у себя на груди узел верёвки. Потный лоб блестел, а кончики усов повисли. Вызвался было спуститься в колодец его помощник Абу.

Нурыш отобрал у Абу верёвку:

— Сейчас я спущусь.

— А я? Не смогу, что ли?..

— А ты иди умойся! — вразброд сказали несколько голосов.

А дальше, как Нурыш побывал в колодце, пошло без заминок. Едва над каменным выступом колодца появлялись голова и плечи буровика, как его подхватывали в десять рук и ставили на землю. Его сменщик стоял наготове: вмиг обвязывался верёвкой, перекидывал ноги в горловину колодца и исчезал в чёрной дыре, откуда дуло холодом.

Невидимая, пролетела над колодцем сова и будто отделила своими крылами ночь ото дня. Восток затеплился, потянул зябкий ветерок.

Снова пришла очередь Колякина спускаться в колодец.

Он продрог на ветерке, спешил согреться работой, да и не боязно было теперь, как в первый раз, лезть в каменную дыру. Он ухватился руками за верёвку и заскользил вниз, отталкиваясь ногами от каменных стен колодца. Изредка его лица касался провод, подключённый там, наверху, к аккумулятору грузовика.

Свет становился всё гуще, несколько толчков ногами, и Колякин очутился в пещерке. Её освещала лежащая набоку автомобильная фара. Дном пещерки была известняковая плита. Её по-прежнему можно было сравнить с баранкой, но теперь уж с баранкой обкусанной: изнутри край плиты был обрублен. Ещё ниже, во второй плите, буровики вырубili глубокую яму в форме котла.

Среди обломков камня Колякин нашарил гладкую ручку кувалды и тяжёлый штырь с расплющенной, сбитой набок головкой.

Он нацеливал штырь, ударами кувалды с хрустом и скрежетом вгонял его в известняк.

Ахнув, провалилась середина второй каменной плиты. Рука с зубилом повисла в пустоте.

Колякин схватил топор, покрепче упёрся ногами, наклонился и пошёл тесать.

Он был мокрый от пота, тяжело дышал, когда вырубил

в рыхлом известняке дырищу — рваную, с острыми выступами. Плечи, спина, ноги — всё болело, однако он довёл дело до конца и ровно обтесал края.

Изнemoгшего, его вытянули на свет, на ветер. Он огляделся: овцы разбрелись окрест, лежали или стояли кучками, несколько коров и лошадей неподалёку замерли с опущенными головами. Верблюд по-прежнему лежал возле юрты, жевал свою жвачку и смотрел вдаль, как бы своим видом показывая людям: «Глядите, вот я не доставляю вам никаких забот».

— Давайте черпать, — сказал Колякин.

Он повалился на спину, смотрел в небо. Ветер уж набрал силу, тащил облака, взбивал пеной. Колякин поднял разбитые в кровь руки и поставил их ветру.

Чабан притащил к колодцу кольцо стального канатика и сшитый из лошадиной шкуры мешок. Сухой мешок деревянно грохнул, когда чабан бросил его на землю.

Нурыш подскочил к верблюду с кучей тряпья на плече, кинул его между горбов и затянул ремень. То было верблюжье седло, понял Колякин. Нурыш пошарил в лохмотьях, обнажил сверкнувшую скобу, пристегнул к ней канатик. Чабан поймал другой конец канатика, пристегнул к крестовине кожаного мешка. Нурыш позвал Колякина:

— Павел Петрович, сам будешь поить?

И когда тот вскочил и подошёл, Нурыш одним движением подхватил его, втиснул между жёстких от пыли горбов и крикнул:

— Чок!

Верблюд качнулся, отталкиваясь от земли задними ногами и выпрямляя их. От неожиданности Колякин обнял горб, как подушку. Верблюд изогнул шею, а затем выбро-

сил голову вперёд, будто с усилием проглатывая комок, выпрямил передние ноги — и поднял Колякина над степью.

Чабан обеими руками взял мешок и бросил его в круглую дыру колодца.

Кожаный мешок под тяжестью своей железной крестовины полетел вниз, потянул за собой канатик.

Глядели буровики, глядел чабан, глядел с верблюда Колякин, как разматывается канатик, как на пыльной земле всё меньше остаётся его стальных колец. Исчезло последнее кольцо, струной протянулся канатик от колодца к верблюжьему седлу.

— Скажи «хоп»! — крикнул чабан Колякину.

— Хоп! — повторил Колякин.

Верблюд качнулся, так что Колякин едва успел вцепиться руками в пыльный горб, и двинулся прочь от колодца.

Верблюд сделал шаг, второй, и вдруг канатик дрогнул и натянулся.

— Зачерпнуло! — закричал Колякин.

— Вода есть! — закричали буровики.

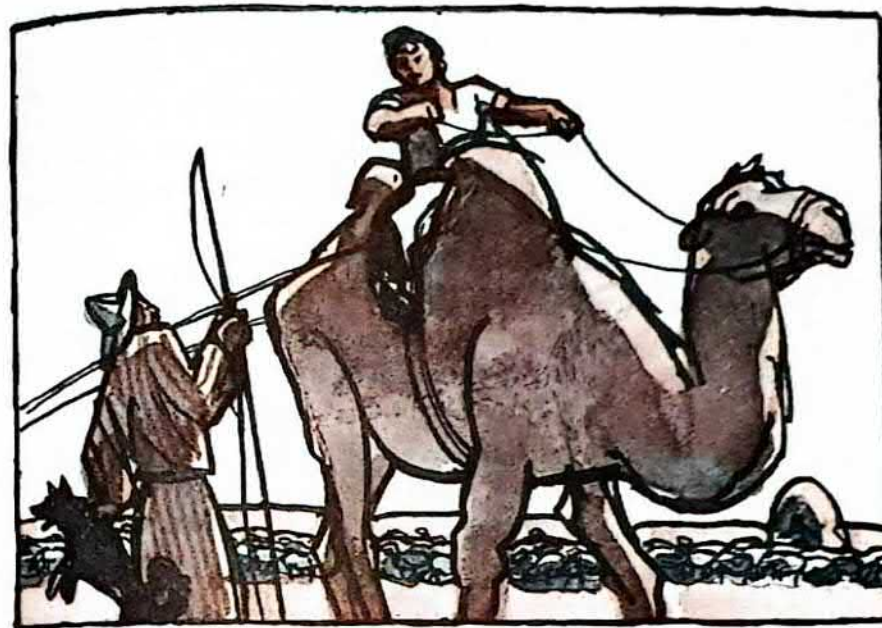
— Су бар! — закричал чабан, что по-казахски означает: «Вода есть!»

Могучий верблюд между тем шёл и шёл, удаляясь от колодца, с лёгкостью вытягивая мешок из глубин земли.

Блеск канатика и верблюд с седоком привлекли внимание овцы, которая была покрепче других и не лежала, а бродила неподалёку. Овца заблеяла и всполошила отару. Вожак отары, старый козёл с космами на брюхе и на груди, позвал овец за собой и бросился к колодцу.

Чабан дал команду собакам остановить овец.

Овец не испугал грозный рык псов. Тогда один из псов

прыгнул навстречу козлу и сцапал его за заднюю ногу. Козёл заверещал, куча бежавших за ним овец рассыпалась.

— Чего овец не подпускаешь? — закричал Колякин чабану.

— Они последними пьют!

Нурыш вскочил на каменный выступ колодца, закричал:

— Колякин, заворачивай!

Колякин обеими руками потянул узду. Верблюд тотчас послушно стал разворачиваться. Колякин будто на карусели поплыл над степью. Промелькнули жёлтые спины гор, белые пятна солонцов, убегавшие от собак овцы.

Карусель остановилась. Колякин увидел, как Нурыш, пританцовывая на выступе колодца, выхватил оттуда мешок, опрокинул его в колоду.

Овцы сбились у колодца. Пыль, лай, галдёж, хрипы!..

Чабана и буровиков будто крутило в водовороте, они раскидывали овец, пропускали к колодцу псов. Псы лезли грудью в колоду. Дышали их жаркие красные пасти.

Чабан дал псам наспех утолить жажду, а затем хватал их за загривки, указывая им в степь: приказывал удерживать овец.

Колоду налили снова. Первыми пустили пить лошадей: брезглива лошадь, замутнённую воду пить не станет. Пили лошади не спеша: касались поверхности воды рыхлыми губами, фыркали, посматривали вокруг.

Вновь верблюдов понёс Колякина прочь от колодца, вновь тянул за собой канатик, вытягивал кожаный мешок с водой.

Носились псы, яростно влаивали, сбивали в кучу орущих овец. Мычали коровы возле юрты.

ПЕЙТЕ! ПЕЙТЕ!

Колякин был чуть живой — так его растрясло на пыльных горбах. Он остановил верблюда, кое-как сполз по его меховому боку.

— На моё место хочешь? — закричал Нурыш. — Иди вставай! Я сменю тебя на верблюде!

Колякин очутился на выступе кладки. Он не успел опомниться, как из-под ног, из страшной дыры, вылетел чёрный кожаный мешок. Он хлюпал, как живой, и тянул за собой струи. Колякин ухватил его за кованую перекладину, попытался с маху поднять и опрокинуть в колоду и не смог: так тяжёл был мешок.

В тот момент чабан и собаки пустили к колодцу овец. Те как безумные полезли в колоду с ногами, надсадно орали, отпихивали друг друга.

— Стой! — закричал Колякин, бодря себя криком.

Он бросил мешок набок, из его горла, стянутого крестовиной, хлынула вода. На выступ колодца вскочила овца и головой ударила Колякина по ногам — он едва устоял. Она обезумела от жажды и лезла на плеск, на хлюпанье воды... Колякин столкнул её обратно в овечий водоворот, схватил мешок одной рукой за крестовину и плеснул на круглые овечьи спины. Подскочил дядя Миша, подставил ладонь, хлебнул.

Колякин запрокинул голову, поймал струю открытым ртом. Холод воды волной прошёл в глубь живота и оживил его ослабшее тело.

И пошла работа!..

Псы отсекали от отары группу овец, гнали к колодцу. Овцы накатывались галдящими волнами.

— Зачерпнуло! — кричал Колякин. — Пошёл!

Он выхватывал мешок из колодца, опрокидывал. Из мешка хлестал искристый сноп воды, разбивался о пыльные бараньи спины.

— Пейте! — кричал Колякин. — Пейте!

УГОЩЕНИЕ ПО-КАЗАХСКИ

Овцы были напоены, успокоились, псы увели их пастись. Приехал председатель колхоза, и с ним сын чабана — отец послал его за помощью. Председатель был весёлый мужик, балагур. Он каждому буровику пожал руку и велел чабану готовить угощение.

Чабан ответил:

— Мясо в котле.

— А котёл кипит?

— Кипит.

Председатель подхватил Колякина и Нурыша под руки, повёл к юрте и позвал остальных:

— Прощу за нами!

Буровики поплескались у колодца, и с лицами, свекольными от ледяной воды, расселись в юрте на кошмах.

Чабан подложил под локоть Колякина подушку, сказал:

— Вытягивай ноги, друг, ложись отдыхай.

Сидел Колякин, поглядывал в дверь юрты: скоро ли там сварится?

Чабан внёс эмалированный поднос с мясом.

Наверху лежала баранья голова. Чабан подал её Колякину — выделил его как самого почётного гостя. Затем чабан с помощью ножа стал крошить мясо на подносе, а кости с остатками мяса на них раздавать гостям.

Колякин не знал, что ему делать с бараньей головой, и собирался положить её на поднос. Председатель стал шёпотом давать советы. Колякин согласно его советам начал разделывать голову. Уши он обрезал и отдал молодым ребятам из отряда: по старинному поверью, кто съест ухо барана, того враги не застанут врасплох. Отрезал мякоть бараньей щеки, угостил хозяина, и тот принял угощение со словами благодарности. Отрезал ещё Колякин несколько кусочков и раздал их гостям. А там передал баранью голову сидящему справа от него дяде Мише — и пошла баранья голова от одного гостя к другому, и всякий лакомился ею.

Чабан полил горю мяса на подносе жирным бульоном. Гости стали брать мясо руками, юрта наполнилась его густым духом.

Запивали сытную еду крепким бульоном и холодным кислым верблюжьим молоком, которое морозно шибало в ноздри.

Чабан и председатель подкладывали Колякину лучшие куски.

— Благодарствую, боле некуда, — сказал, отдуваясь, Колякин. — Сытёхонек.

— Ешь, — сказал председатель весело, — пока не почернешь. А почернешь — так помаячишь! — и засмеялся.

— погоди, — остановил его Колякин. — Ты погоди. Ты откуда это знаешь? У вас так не говорят.

— А слышал.

— Где?

— У нас, в посёлке. Давно ещё, я парнем был.

— Ты вспомни, от кого слышал. Это ведь не поговорка какая.

— Слышал вот так же, в застолье. Пацана угощали,

мать ему говорит: «Ешь, пока не почернешь». И отец добавил: «А почернешь — так помаячишь».

— Начал-то отец, а мать досказала, — тихо вымолвил Колякин. — Так-то вот.

— Выходит, ты их сын, — сказал председатель. — Паша...

— А ты, выходит, Ваня... Мудрёно сразу друг друга признать, тридцать лет прошло, — сказал Колякин. — Здравствуй заново, что ли, Иван Парфентьевич...

Обнялись они, расцеловались. Рассказал Колякин, как отправился в дорогу, как потерял деньги, как посчастливилось ему встретить буровиков-гидрогеологов.

— Что же ты, Павел Петрович, телеграммой меня не предупредил, я бы тебя встретил на станции, — огорчился председатель Иван Парфентьевич.

Покачал Колякин головой:

— Видать, моё письмо ещё едет...

ДО СВИДАНИЯ!

Колонна буровиков уходила своей дорогой. Суетились шофёры, заливали водой радиаторы, лазили в кабины за инструментом.

Прощался с буровиками Колякин:

— Спасибо, ребята. Считай, в руки Ване доставили.

— Не уживёшься в том посёлке, приезжай к нам в долину, — сказал дядя Миша.

— Приезжай... Ты стал для нас свой, — сказал Нурыш.

Колонна с тяжёлым рёвом исчезла в степи.

Председатель Иван Парфентьевич завёл свой «газик». Колякин стал прощаться с чабаном.

Чабан уважительно, обеими руками держал руку Ко-

лякина, приглашал заезжать, а тот ласково глядел ему в лицо и говорил:

— Вкусно угостил, хозяин, благодарствую, век так не едал. Чуть жив стою, недохнуть... Уж теперь, как извещены будете, пожалуйста, ко мне на новоселье. Отведаете уральского рыбного пирога, пирожков с черёмухой, с маком. С грибами, с вареньем...

— Давай адрес! — сказал чабан. — Сразу приеду!

— Извещу, — вздохнул Колякин. — Не сомневайся.

— Я тебе барана привезу, — сказал чабан. — Люблю в гости к хорошим людям ездить!

Чабан подарил Колякину щенка.

Затерялась юрта в складках степи. Летел «газик» на ветер. Навстречу ему летели облака и птицы. Из жёлтой дали скачками неслись круглые скелеты перекати-поля и с хрустом хлестали по ветровому стеклу.

Щенок открыл чёрные недобрые глаза. Молча схватил, как хватают кость псы, палец своего нового хозяина. Мял его, давился, тряс лохматой головой.

— Прокусил до крови, — сказал Колякин, ухватил щенка за морду, сжал. Тот от боли раскрыл пасть. — Чёрное небо... Злой будет.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, где Колякин печёт рыбный пирог

НЕСЧАСТЛИВАЯ РЕЧКА

Мчался «газик» по степи. Колякин баюкал на коленях щенка, приговаривал:

— Потерпи, скоро дома будем.

Ветер со злой силой вычёсывал степь, вырывал и подхватывал всё, что некрепко вцепилось корнями в жёсткую землю. В завитках ветра рождались, гасли и рассыпались с шорохом лёгкие вихри.

Но вот один изловчился, поймал ветер и окреп. Вихрь раскрутился огромной юлой. Всасывал в себя пыль, крошево сухих трав, мелкую гальку, вытягивался. Глядь, уж тянулось в небо, как дым пожарища, гигантское веретено.

Погнался вихрь за «газиком», но ускользнула от него юркая машина.

С разгона, так что сердце у Колякина упало, «газик» ухнул вниз, в пустоту речного русла, и стал.

Шнурочек ручейка стеклянно поблёскивал в гальках.

— Надо в радиатор воды залить, — сказал Иван Парфентьевич и взял канистру из багажника.

Они вылезли из машины, позвали с собой щенка и пошли следом за ручейком. Под ногами поскрипывала галька.

За выступом берега, где дремал омут, они спугнули чаек и ворон. В степь лениво побежала лисица.

Сырые берега омутка были испещрены крестиками вороньих и чайчьих следов и будто посолены рыбьей чешуёй. Колякин толкнул гальку в яму, тотчас вода в ней закипела: полна была яма рыбёшками.

— Несчастливая речка, — сказал Колякин. — Как она называется?

— Каргала. И ведра́ воды не зачерпнёшь, — махнул рукой председатель. — Поехали, Паша... Ничего! Чуть подалее воды наберём!

— погоди, Ваня, надо рыбу спасать, — возразил Колякин.

Он разделся, связал майку мешком и полез в яму. Ногами он взбаламутил воду. Растягивал на руках майку и черпал илистый кисель, кишачий рыбёшками.

— Паша, задерживаешь ты меня, — твердил Иван Парфентьевич, — на мне хозяйство...

— А помогай, — ответил Колякин.

— На что они тебе дались, эти рыбёшки?

— Выпущу их в речке, а как вырастут — отловлю и испеку рыбный пирог. Тебя первого позову за стол! — смеялся Колякин. Он опускал на песок свой рыболовный снаряд, ловко хватал прыгающих рыбёшек и бросал их в канистру.

ВИХРЬ

Вверху, над берегом, трусил щенок, натёкался на перья ковыля, чихал и тряс головой.

Колякин позвал его:

— Шарик! Шарик!

Щенок равнодушно поглядел вниз и отвернулся. Он не признавал ни Колякина, ни клички «Шарик».

Из-за поворота берега вымахнул вихрь, сбросил вниз щенка, тот с визгом скатился с обрыва и плюхнулся в омут. Вихрь изогнулся, втянул щенка — вместе с песком, с водой, с илом и рыбёшками. Завертелся, всасывая воду с протяжным свистом.

С криком «Шарик!» Колякин кинулся в глубь вихря — там среди мусора и пыли крутился, визжал щенок. Медленно, как большая мёртвая птица, кружил сухой куст. Колякин встал на четвереньки и пополз, на шаривая вокруг себя щенка, и вдруг очутился как бы в трубе. То была пустая середина вихря. Рядом опустился сухой куст.

Сбоку от Колякина раздался истошный визг, он повернул туда, и будто кто подбросил ему щенка.

Со щенком в руках Колякин пробился сквозь бешеное кружение мусора — в чистоту, в солнце.

Щенок был мокрый, будто голенький — пузатый, с тонкой шейкой, с ногами как лучинки. Он скулил, тыкался под мышку Колякину. Тот гладил его, называл Шариком, ворчал:

— Говорил тебе, упадёшь!

Вихрь выплюнул корягу, которая с треском развалилась на лету, прыжком перескочил сухое русло и исчез.

Остались от него вываленные в песке ошмётки ила. Два соседних омутка стали грязными ямами — вихрь выпил их. В гальках поблёскивали рыбёшки, будто прошёл рыбный дождь. Появились вороны, забегали от рыбёшки к рыбёшке.

Щенок успокоился, обсох в руках Колякина и перестал вздрагивать. Колякин поставил его на землю.

Щенок снова убежал наверх, в степь.

— Шарик! — позвал Колякин. — Шарик!

Щенок побежал на зов, но стал, не доходя до страшного обрыва, заскулил. Он, видимо, так понимал: оттого его сбросило с обрыва и потом страшно вертело, что он подошёл к самому краю.

Колякин вновь позвал:

— Шарик!

Щенок, дрожа, сделал шаг и другой.

— Шарик, — с упреком сказал Колякин. — Шарик!..

Над краем обрыва показалась лохматая голова, твякнула неверным от страха голосом, и Шарик подбежал к хозяину.

— Вот и началась наша дружба, — сказал Колякин. — Хозяйка и кошка в избе, хозяин и собака во дворе...

Иван Парфентьевич сходил за второй канистрой — и её тотчас наполнили рыбёшкой. Надо было торопиться, в тесных канистрах рыбёшки могли задохнуться.

«Газик» помчался, Колякин заглядывал в канистры, торопил:

— Ваня, гони!

Внезапно в машине потемнело: то вихрь догнал их.

Рванулась машина. Вновь Колякин услышал набегавший шум и свист, вновь накрыл вихрь машину. Песчинки секли лицо.

Иван Парфентьевич завертел баранку. Вырвался «газик» на свет, круто повернул.

Из-за жёлтой, голой горы вымахнула тополиная роща.

«Газик» вбежал под навес тополиной рощи. В тот же миг сшиблись вихрь и роща. Вихрь смял кроны, обнажил стволы, тучей полетел сорванный лист. Устояли тополя, выпрямляясь, хлестнули по вихрю и рассекли его.

Вихрь распался, пылью замутил просвет дороги.

РЕЧКА С ЗЕЛЕННОЙ ВОДОЙ

«Газик» пробил тополиный подрост и стал на берегу. В лицо Колякину плеснуло прохладой зелени и воды.

— Вот это речка так речка!

Колякин вошёл в воду по колено, опрокинул канистру. Рыбёшки ошалели в нагретых канистрах. Одних чистая и прохладная вода привела в чувство, они простреливали верхний, полный солнца слой воды и уходили в глубину. Других подхватывало течение, они в бессилии кружили поверху. Колякин догонял таких, поддевал ладонью, относил на берег и там бросал в яму. Яму эту, вырытую в песке и заполненную просочившейся водой, здешние рыбаки использовали как садок.

Из кармана рюкзака Колякин достал дощечки с намотанными на них лесками, вырезал четыре коротких удилица и всю эту снасть положил рядом с садком.

Иван Парфентьевич уже опорожнил свою канистру, кричал с середины плёса:

— Паша!

Хороша была река! Кусты тальника, увитые диким хмелем и мышиным горошком, тополиный подрост, крушина с её зонтиками желтовато-белых цветов и россыпью фиолетовых ягод — всё лезло от зноя в воду, всё пило её, всё мокло в ней. Вода была настояна на зелени. Её влажный пахучий дух стоял над берегами.

Колякин в восторге подпрыгнул, откинулся и повалился боком. Вода вытолкнула его. Он заколотил ногами, загрёб руками и опустился на дно. Лёг щекой на песок и открыл глаза. В ушах будто перекачивались стеклянные шарики.

Он вынырнул, понюхал своё плечо. Оно пахло тиной, старой корягой, что лежала у берега. Кружила вода, сбива-

ла вокруг коряги речной мусор, облепила её гроздьями радужных пузырей. Под корягой танцевали гибкие рыбы, их тени на гладком песчаном дне сплетались в подвижное кружево.

Накупался Колякин досыта, вышел на берег и лёг на горячий песок рядом с Иваном Парфентьевичем.

— Ваня, как ваша речка-то называется? — спросил он.

— Каргала.

— А ведь прежняя, несчастливая речка тоже называлась Каргала, — припомнил Колякин. — Надо нашу переименовать.

— И здесь и там — одна речка, — ответил председатель.

— Экая она тут полноводная! — удивился Колякин. — А там таракану не утонуть.

— Там вода голубая, а здесь зелёная.

Колякин догадался: там небо в воду смотрит, а здесь тополя. Они и защищают речку от ветров, от солнца, от вихрей.

СВАТОВСТВО

Иван Парфентьевич привёз Колякина к двухэтажному дому. Дверные проёмы были без дверей, оконные без рам, во дворе бульдозер гонял волны строительного мусора.

— Через месяц этот дом сдадим, получишь от колхоза квартиру.

Колякин обеспокоился:

— А не заругают тебя? Скажут, крадче отдал квартиру дружку?

— Не заругают: плотникам у нас почёт, их не хва-
тает.

Колякин обошёл дом, выбрал квартиру на втором этаже, из её окон была видна поселковая площадь. Застенчиво спросил Ивана Парфентьевича:

— А не скажут, потихоньку отдал дружку лучшую квартиру?

— Не скажут. Плотнику — квартиру на выбор.

Колякин манерно оттопырил большой палец, подал руку Ивану Парфентьевичу:

— В таком случае, Ваня, будь сватом. Женюсь!

Телефонный разговор с городом они заказали из кабинета председателя.

Иван Парфентьевич убеждал Колякина самого взяться за дело: невесте там не видно, кто с ней говорит!

Колякин мотал головой: кто сватался, тот спрятался. Самому за себя сватать стыдно. И наказывал:

— Она женщина робкая, как стёкло хрупкая. Ты, Ваня, не бухни сразу: зовём в замуж! Ты потихоньку подъезжай, полегоньку. Мол, шуба лежит, а кожа дрожит.

— Какая шуба?

— Да что ты, не понимаешь, это разговор такой, — чего, дескать, жить сиротой, когда хорошему мужику поглянулась. Меня похвали, скажи про моё чувство.

Дали город, Иван Парфентьевич сделал такую мину, будто он сосал сладкую конфету, и протянул:

— Это Надежда Матвеевна?

— Я самая.

Иван Парфентьевич сделал успокаивающий жест, дескать, теперь всё пойдёт как надо, и сказал игриво:

— Шуба лежит, а кожа дрожит!

— Это вы о цигейковой? — с испугом спросила Надежда Матвеевна. — А какое вам дело до моей шубы?

— Не о шубе речь — о любви!

— Да вы кому звоните? А ну поклади трубку на место!

Иван Парфентьевич бросил бы трубку на рычаг, не перехвати её Колякин. Второй рукой он схватил ластик со стола и сунул его в рот.

— Сватают вас! — проговорил Колякин протяжным басом, подражая Ивану Парфентьевичу и двигая челюстями так, будто он втиснул себе в рот грушу и теперь мят её там.

Надежда Матвеевна на том конце провода виновато ойкнула:

— Ой, простите, а жених кто?

— Павел Петрович Колякин, у нас в колхозе будет работать. Сегодня получил двухкомнатную квартиру, — произнёс Колякин в трубку.

— Нет, не пойду за него, — весело сказала Надежда Матвеевна. — Жадных не люблю!

— Разве он жадный?

— А чего же вы сразу о приданом. Мои шубы считать! Колякин заработал челюстями:

— Да на что мне твои шубы!.. Это мы так потихоньку подъезжаем, пословицами говорим.

— Извиняюсь, в таком случае, — также сердито сказала Надежда Матвеевна. — Пусть здесь я не поняла. А он что, меня видел, жених?

— Видел, тогда на пожаре, — проговорил Колякин неуверенно.

— Это не тот ли коротенький с чубчиком? — с подозрением спросила Надежда Матвеевна.

Колякин и Иван Парфентьевич поглядели друг на друга с отчаянием. Однако председатель недаром слыл в своё время весёлым и находчивым парнем. Он показал руками — дескать, чубчик сострижёшь, купишь туфли с каблучком повыше. Колякин сказал в трубку:

— Не тот вроде.

— Как-то неожиданно для меня ваше предложение, — застенчиво проговорила Надежда Матвеевна.

Колякин заработал челюстями.

— А чего ждать. Склалась да приехала. Нарядилась, да пошли визиты делать. Весь посёлок созовём на свадьбу.

— За что же он меня полюбил? — ласково спросила Надежда Матвеевна. — За что же мне такое счастье?

Колякин выплюнул в кулак ластик — мешала проклятая резинка! — и сказал:

— Нет тебя краше! А его храбрей!

— А-а... — весело протянула Надежда Матвеевна. — Так это всё-таки вы сватаетесь, женишок с ноготок?

Колякин в замешательстве сунул ластик обратно в рот. Но что тут можно было поправить, всё погибло безвозвратно!

Колякин махнул рукой, с обидой, с отчаяньем сказал в трубку:

— Не дорого дано, не больно жаль!

Последнее его слово перешло в хриплый кашель: ластик попал в горло.

Иван Парфентьевич кинулся колотить Колякина по спине. Тот при каждом ударе нутужно всхрипывал.

— Что там творится у вас? — донеслось из брошенной на стол трубки.

— Бью жениха! Чтоб не обманывал! — крикнул в трубку Иван Парфентьевич.

— Не трогайте! — закричала трубка. — Это наше семейное дело!

В горячке Иван Парфентьевич задел рычажок телефона. Оборвался голос Надежды Матвеевны.

...Наконец резинка вылетела изо рта у Колякина. Лицо у него было несчастное. Оттопырив большой палец, он подал руку председателю:

— Благодарю, Ваня, за дружбу. — Вдохнул: — Половину разговора надо в запасе иметь, верно?.. Иначе о чём будем вечером говорить. На тебе колхоз, тебе надо дела делать, а я пойду удочки поставлю. Сам понимаешь, вечером надо завернуть рыбный пирог.

Председатель подал Колякину ключ от своего дома и назвал адрес.

ЛОВЛЯ НА ЖИВЦА

Колякин вернулся на речку к ямке с рыбёшками и удочками. Одни рыбёшки уснули и всплыли кверху брюхом, другие окрепли и тихонько сидели на дне.

Колякин наладил удочки и посадил живых рыбёшек на

крючки. Три удочки он забросил с переката так, чтобы течение отнесло живцов на середину плёса. Четвёртую удочку он забросил с берега в омут, где вода медленно кружила сухую тальниковую ветку.

Через час он сходил на перекат и проверил удочки. Пусты были крючки.

— Удивительно, Марья Дмитриевна, чай пила, брюхо холодное, — сказал Колякин, вернулся на берег и стал вытягивать четвёртую удочку.

Рыбёшка здесь была живёхонька, трепыхалась. Колякин почти подтащил её к берегу. Тут из-под чёрной коряги вышла щука, сцапала рыбёшку и так же медленно ушла под корягу.

— У, наглая! Быть тебе в рыбном пироге! — сказал со злостью Колякин и отправился за новым живцом. Он понял, что эта самая щука сорвала наживку и с тех трёх удочек.

Пролетела над его головой чайка, в клюве у неё поблёскивала рыбка.

Подбежал Колякин к ямке — поздно! Чайки растащили всех рыбёшек.

— Всё равно быть тебе, щука, в рыбном пироге! — сказал Колякин.

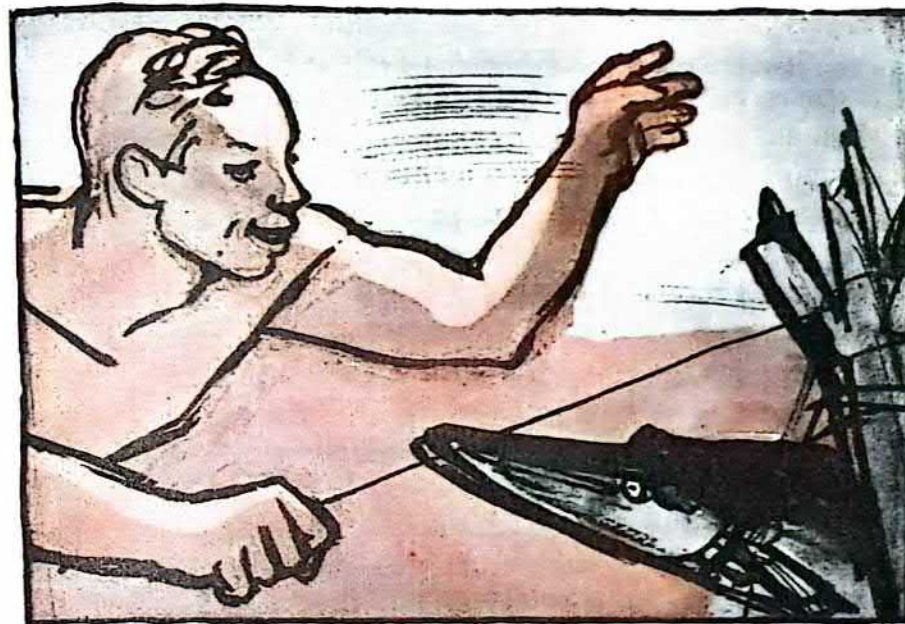
Он зашёл в воду в том месте, где кончился перекат. Пальцами ноги поддел песок. Вода унесла мутную струю.

Набежали по мутной струе пескари. Собирали застрявшие между волосками кусочки тины, рачков и прочую водную живность. Колякин хихикал, гримасничал, ойкал, но стоял неподвижно.

Когда пескари освоились у его ног, он приподнял большой палец.

Тотчас под него залез пескаришка и завозился.

— Попался!.. — прошептал Колякин, осторожно при-

давил пескаришку пальцем, затем нагнулся и достал его из воды.

Колякин посадил пескаришку на крючок и осторожно пустил его в омут, где по-прежнему кружила сухая ветка. Толстое и короткое удище он глубоко вогнал в песок, как будто хотел убедить щуку в прочности снасти.

Едва Колякин успел это сделать, как леса натянулась. Он поймал её, леса подалась — и вдруг её вырвало, так что она больно стегнула Колякина по рукам. Он поймал её в воде, стал тянуть и понял, что оборвёт, если тянуть сильнее.

Колякин нырнул, открыл в воде глаза и увидел струну натянутой лесы. Она уходила в чёрный ком. Приблизившись, Колякин узнал корягу, сунулся в неё лицом.

От испуга у него изо рта выскочил пузырь. Глядело из-

за коряги вытянутое и сплюснутое щучье рыло. Из приоткрытой пасти у неё торчала леса. Леса обметала корягу, и распутать её было невозможно. Колякин одной рукой ухватил щуку за голову. Но скользкая голова не давалась, тогда Колякин запустил ей пальцы под жабры. Второй рукой он выдрал корягу из илистого песка и всплыл в клубах ила, с мочалкой речной травы на голове.

Корягу он бросил на старое место, а затем выпотрошил и почистил рыбину.

РЫБНЫЙ ПИРОГ

По адресу Колякин нашёл дом председателя.

Живо отыскал в шкафах посуду и продукты. Затопил печь и замесил тесто. Как тесто подошло, он разложил слоями варёный рис, яйца и лук, нарезал кусками рыбу. Защищал пирог наглухо, помазал сверху маслом — и в духовку.

Сел Колякин у окна, на ветерок. Под окном заскулил щенок Шарик, тявкнул: просил есть.

— Думаешь, поспеет пирог, так угощу? Дам тебе кусок и себе отломлю? — сказал Колякин щенку. — И не проси. Пойдём мы с пирогом на площадь: угощайтесь, соседи дорогие.

Шарик сердито тявкнул.

— Говоришь, на весь мир пирог не испечёшь? Порядков здешних не знаешь. Тут как вечер, каждый несёт на площадь, что приготовил. А там столы расставлены. Выходит пир. Хочешь холодца — получайте! Хочешь котлет — будьте любезны! Хочешь парного мясца — угощайтесь!..

Затявкал Шарик, запрыгал мячиком.

— Я и сам себя растравил, сил нет терпеть. — Колякин проглотил слюну и пошёл глядеть пирог.

Пирог поднялся, жар позолотил верхнюю корку.

Колякин достал его из духовки, положил на доску, накрыл полотенцем, чтобы «отдохнул», стал мягче, — и тут в раскрытое окно влетела слабая, на излёте, музыка.

Колякин выглянул в окно, ахнул:

— Застряпался! Началось на площади-то!

Он поспешно укутал пирог и выскочил из дому. Щенок бежал рядом, подвывал от голода.

В сумерках звуки летят далеко. Колякин прошёл квартал, другой — площадь уж была слышна. Хриплый голос кричал в микрофон, народ с хохотом подхватывал шутки.

Колякин догнал человека с ружьём на плече. Под мышкой человек нёс узелок.

«Туда же, на площадь, пировать, — догадался Колякин. — А ружьё для салюта».

Колякин спросил, как ближе пройти к площади. Спросил он не потому, что боялся заблудиться, — какое тут заблудишься, площадь вот она, за крышами, пирует, галдит, хохочет. Спросил, чтобы завести разговор, познакомиться с человеком, а там и сесть рядом с ним за стол. Через него и другие скорее признают за своего.

— Сейчас за угол, будет площадь, — ответил человек и зевнул с подвыванием.

Прежде чем повернуть за угол (вот наконец откроется площадь, шумная, в огнях, заставленная столами), Колякин стал шёпотом наказывать щенку:

— Главное, держись рядом!.. Чтоб я тебя не искал, когда мясцом угостят.

Провожатый скрылся за углом.

— Эй, радуйся, Кирюшка, будет у бабушки пирушка! — весело сказал Колякин.

Он приосанился и с подносом на вытянутых руках повернул за угол.

Пуста была площадь. Лишь витрина магазина освещала её.

Репродуктор на столбе хохотал, сыпал частушками.

Провожатый Колякина выволок из темени ящик, устроился на свету, поставил между ног ружьё.

— Рановато мы заявили, — сконфуженно сказал Колякин щенку, обошёл площадь, присел на ступеньку трибуны.

Час он так просидел и второй.

Время от времени на поле витрины, как изображения на телевизионном экране, возникали ребята и девушки в сквозных платицах. Мотыльками покружившись в голубом свете, они исчезали, как таяли. Из темени тополей

пробивались голоса их транзисторов. Летучая мышь прочерчивала из угла в угол синее поле витрины.

Лишь сторож, провожатый Колякина, оставался неподвижен, как осенняя муха на экране телевизора.

Колякин поставил на верхнюю ступеньку трибуны поднос с пирогом. Перешёл площадь, потряс сторожа за плечо и спросил:

— Скажите, мил человек, другой площади в посёлке нету?

— И эта не нужна! — ответил сторож.

— Как не нужна? — опешил Колякин.

— Два раза в год, на Первомай и на Седьмое ноября, пройдемся колонной, и всё тут. Остальное время пустует. Молодёжь шляется, галдит, мешает...

— Кому мешает?

— Мне мешает, ночному сторожу. — Он развернул узелок, достал полбуханки хлеба и пучок зелёного лука.

Щенок подошёл ближе, сторож отпихнул его ногой:

— Иди, тебе здесь не перепадёт.

Колякин позвал щенка и пошёл вон с площади. На верхней ступеньке трибуны остался поднос с пирогом.

В доме горел свет. Колякин прошёл в комнаты, увидел Ивана Парфентьевича. Тот стелил себе постель на диване.

— Паша, я тебе постелил в той комнате, на кровати, — сказал он, — укладывайся, милый.

— По какому случаю пировали тогда? — спросил Колякин. — Ну, ещё духовой оркестр играл?.. Наперебой угощали?..

— А-а, давно-то, когда твоя мать сказала: «Ешь, пока не почернешь...»

— Не так, — поправил Колякин. — Начал отец, мать досказала. Пировали-то по какому случаю?

— Тополя... В тот день... посадили, — проговорил Иван Парфентьевич сквозь сон и захрапел.

Храпел он ровно, было удивительно, когда он успевал втягивать воздух.

Колякин собрал рюкзак, позвал щенка, и вышли они на дорогу.

— Вот оно как, — сказал Колякин щенку, — не поминай, корова, тёплое лето. Не ищи, человек, вчерашний день.

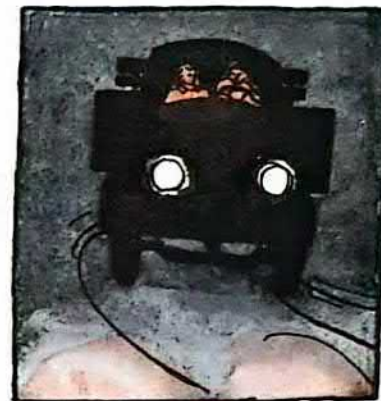
За посёлком их догнала машина. Колякин взял на руки щенка, забрался в кабину. Сказал шофёру:

— Отвезите на станцию... Какая поближе...

— Что, не прижился у нас? — спросил шофёр.

— Председатель у вас хороший, гостю свою постель уступит, — ответил Колякин, — да что делать, родня и соседи заждались.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, для Колякина грустная глава

СНОВА САЙГАК!

Бежала машина сквозь ночь. Шофёр говорил:

— Мне рассказали! Один мужик поехал покупать дом. Подобрал в степи сайгака, тот совсем помирал. Ночью укрыл его своим пиджаком, холодно было. А утром глядь: убежал сайгак, унёс на рогах пиджак. В нём десять тысяч, ха-ха!..

— А мужик чего? — спросил Колякин.

— Мужик умом тронулся! Сейчас в больнице, на врачей лает!..

Разбудил Колякина скрежет тормозов. Подбросило машину, щенок с визгом свалился с его колен.

— Авария?

— Сайгак с пиджаком на рогах! — ответил шофёр шёпотом.

Шофёр взял карманный фонарик. Они вылезли из кабины. Ветрено было и холодно. Щенок покрутился, посопел и укатил в темень.

— Померещилось, — сказал Колякин.

— Да я чуть не задавил его! — шептал шофёр. — Он как вбок сиганёт!.. Пиджак трепыхнулся.

Они кружили в глухой темноте, звали шёпотом: «Шарик, Шарик...»

Выскочил им под ноги Шарик, тьякнул.

Шофёр включил фонарик. Что-то трепыхнулось в его луче и исчезло, напомнив Колякину океанское чудовище кальмар, которое он как-то увидел по телевизору.

Ударили копыта по сухой глине — и ахнул Колякин: то сайгак был с замотанной пиджаком, рукастой головой!

— Тишше! — зашипел шофёр, схватил Колякина за руку. — Меня Хвылыпп зовут, тебя как?

— Павел Петрович.

— ... Поймаем сайгака, деньги так разделим: мне восемь тысяч, тебе две.

— Это почему так?

— Я его первым увидел!

Блуждая в темени, они слышали вздох зверя.

— Держи его! — прохрипел шофёр.

Колякин развёл руки, бросился вперёд и наскочил на зверя.

Его отбросило. Ноги разъехались, и он сел.

Прибежал Хвылыпп, кинулся на Колякина, стал шарить по нему:

— Отдай пиджак с деньгами! Не то я тебя побью!

— Ты шилом молоко хлебал — меня бить, — ответил Колякин и оттолкнул Хвылыппа.

— Хоть три тысячи дай!..

— Дам и ещё добавлю, — ответил Колякин. — Носи, не потеряй... Не видал я никакого пиджака...

— Ты промахнулся?.. — Хвылыпп счастливо гоготнул и отстал.

Где-то внизу в овраге залаял щенок. Хвылыпп встал на четвереньки, взял в зубы фонарик и стал спускаться в овраг. Колякин остался наверху.

Вспыхнул внизу фонарик, в его свете Колякин увидел отвесную глиняную стену, голое дно.

— Мой сайгак! — закричал Хвылыпп Колякину. — Из оврага его не выпущу.

— Мне хоть тысячи три посулишь? — поинтересовался Колякин.

— Ни рубля! — ответил Хвылыпп.

СУМАСШЕДШАЯ НОЧЬ

Колякин сидел на краю оврага, глядел вниз, где Хвылыпп бегал от одной стенки оврага к другой, как бы проводя границу и охраняя её.

Время от времени он предупреждающе кричал:

— Я тебе!.. Сиди, не вылазь!..

Сайгак забился куда-то в глубину оврага. Хвылыпп было успокоился, сел посреди глиняного коридора и сунул руки под мышки, чтобы согреться.

Батарейка в фонарике выгорела. Сайгак тотчас попытался воспользоваться этим. Колякин наверху задремал и был разбужен набегающим топотом и лаем щенка.

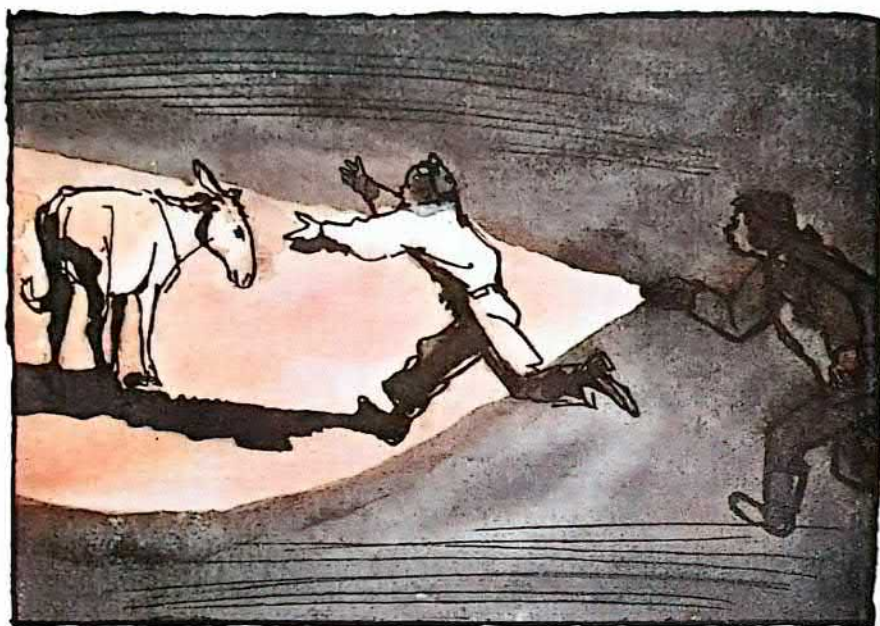
— Куда!.. — страшным голосом закричал Хвылыпп.

Сайгак вновь и вновь пытался прорваться. У Хвылыппа не было никаких сил удержать оборону: овраг был широк. Каждый миг он мог упустить сайгака, а с ним и деньги.

— Павел Петрович, спускайся, помоги!.. Его поймать! — хрипло кричал Хвылыпп. — Тысячу рублей дам!

— Мало, — отзывался Колякин. — Давай девять тысяч.

Вновь приближался лай — то щенок метался вокруг сайгака, который делал новую попытку прорваться.

— Помоги!.. Две тысячи дам! — в страхе кричал Хвылыпп.

— Давай девять, — отзывался Колякин.

Хвылыпп запевал:

— «Не плачь, девчонка, пройдут дожди, солдат вернётся, ты только жди!..» — и тяжело, с топотом плясал.

Когда рассвело, Хвылыпп увидел в конце глиняного тупика одноухого ишака.

ОДНОУХИЙ ИШАК, КОТОРЫЙ ЛЮБИЛ СВОБОДУ

Хвылыпп поднялся к Колякину, просипел:

— Ты, знал, шо вин не сайгак?

— Ночью он башкой меня ткнул. А башка-то безрогая...

— ...Иди дальше пешком! — со злобой захрипел Хвылыпп, когда они подошли к машине, и выбросил из кабины колякинский рюкзак.

— Что так?

— А вот так!.. Иди пешком! Издевался надо мной всю ночь.

— Жадность над тобой издевалась, — возразил Колякин. — Чужих денег захотел.

— Тебе что! Не твоих денег захотел! — крикнул Хвылыпп и забрался в кабину.

— Я упустил сайгака с пиджаком, — сказал Колякин и закинул рюкзак за спину. — Ехал с Урала, хотел купить дом в вашем посёлке.

— Оце да! — Хвылыпп даже растерялся.

Одноухий ишак выбрался из оврага и теперь стоял на голом бугре, свесив голову.

Колякин подошёл к нему и увидел, что ишак пьёт: из земли торчала труба, из неё текла вода, ручейком сбегала по склону бугра.

Колякин дождался, покуда напьются ишак и щенок, сам напился. Затем обратился к ишаку:

— Ты скотина бродячая? Плохо одному-то? А мы тебя пожалеем, сами не больно-то счастливые, понимаем твоё положение. Мы тебя с собой возьмём.

С такими словами Колякин забрался на ишака и легонько поддал ему каблуками в бока.

Ишак оставался неподвижен.

Пришёл от машины Хвылыпп, захрипел:

— Ткни в болячку на холке, тут он сразу побежит. Не стесняйся, специально кожу на холке срезали. Через ту болячку им управляют.

Колякин продолжал причмокивать и время от времени поддавал ишаку в бока.

— Та вин тебя за муху считает! — злорадно прохрипел Хвылып.

Колякин наклонился, сказал:

— Ты что, за муху меня считаешь? — и легонько подул ишаку в его единственное ухо.

Ишак отрицательно качнул головой.

— Ну и слава богу, — успокоился Колякин. — Не спешивсь, понуждаешься в нашей дружбе. Поехали, давай!..

Беки у ишака сомкнулись, он задремал.

— Павел Петрович, садись в машину, — заискивающе прохрипел Хвылып. — Куда на ишаке уедешь? Заблудишься в степи.

Колякин пошлёпал ишака ладонью. Ишак перебирал губами и чуть слышно похрапывал.

— Ну, оставайся! — разъярился Хвылып. Он было побежал к машине, но вернулся и ткнул пальцем в ишачью холку.

В тот же миг ишак рванулся и скачками понёс Колякина.

— Куда? — в страхе закричал Колякин.

С рёвом обогнала его машина, умчалась навстречу восходящему солнцу.

За ишаком мчался щенок, ликовал.

ДОЛИНА

В долину буровики приехали ночью. Все утомились дорогой, побросали спальные мешки на землю и было полезли в них. Однако Нурыш заставил буровиков вытащить раскладушки и постелить на них спальные мешки: чтобы не потревожили буровиков ядовитые твари — чёрный паук каракурт и рыжая мохнатая фаланга.

На заре дядю Мишу разбудило звяканье железа. Он поднял голову, увидел Нурыша. Тот шарил в ящике с инструментом. В нетерпении он опрокинул ящик ногой, выдернул из кучи три железных штыря и ушёл.

Сон отлетел. Дядя Миша вылез из спального мешка, потормошил своего помощника:

— Вставай, парень, Нурыш пошёл намечать точки.

Абу только мычал в ответ. Дядя Миша отвернул клапан его спального мешка. Абу щекой нечаянно коснулся холодной рамы раскладушки, обжёгся, вскинулся и открыл глаза.

Буровики оделись и полезли в кабину грузовика. С высоты кабины им открылась плавно-вогнутая чаша долины. На дне её под розовой от солнца занавесью тумана чернела фигурка: Нурыш.

Машина с негромким урчанием двинулась в глубь долины.

— Вы говорили о каких-то точках, — вспомнил Абу.

— Нурыш сейчас отмечает точки на местности, где мы будем закладывать скважины.

— А нам зачем с ним? Поспали бы ещё.

— Пусть другие спят. А мы с тобой сами выберем скважину и станок первыми поставим, — сказал дядя Миша. — У меня примета такая: сам выберу скважину — станок не ломается, хорошо бур идёт.

Нурыш поджидал их на краю овражка. На коленях у него была разостлана геологическая карта.

Дядя Миша едва вылез из машины, стал хвалить место: благодать, до лагеря недалеко, кустики рядом...

Нурыш остановил дядю Мишу:

— Скважина будет заложена не здесь, а на бугре... Я тут просто так... отдыхаю.

Место на бугре также пришлось дяде Мише по душе, и второе, намеченное Нурышем место, под горой, он одобрил, а выбрал третье, — в заросшей полынью низинке. Сам вогнал в землю железный штырь.

— Тут вот в низинке мы с Абу поставим свой станок, — радовался дядя Миша — на ветерке, кустики близко, до лагеря живым духом добежать — совсем ничего. Тебе по душе долина, Абу? А тебе, Нурыш?

— Совсем не нравится... — отозвался Нурыш невесело. — Знаете, как её название переводится с казахского на русский?... Точило. — Нурыш топнул раз и другой. — Здесь сплошь гранит. Вода может быть только в трещинах породы... А трещины сверху не видать... Ломали головы с главным гидрогеологом, ломали... выбрали эти три точки. Попробуем счастья.

Они подъезжали к лагерю, уж повариха махала им:

дескать, торопитесь, на завтрак опаздываете, как вдруг дядя Миша развернул грузовик и погнал его обратно в глубь долины.

Он снова остановил грузовик на краю овражка, где вначале поджидал их Нурыш, и тут сказал Нурышу:

— Это место тебя манит, я вижу.

Нурыш кивнул, достал из планшета карту. На листе среди разноцветных извилистых пятен он нашёл крохотное в виде рыбки пятнышко:

— Вот он, овражек... Мне кажется, здесь проходит граница древней породы и молодой. А граница — это разлом пород.

— А в разломе — вода! — воскликнул Абу. — Так чего же мы здесь станок не поставим?

Нурыш несмело взглянул на дядю Мишу, ответил:

— Места скважин мы определили с главным гидрогеологом... Он опытнее меня.

— Постой-ка! Давай мы по-моему проверим! — сказал Нурышу дядя Миша.

Дядя Миша достал нож и отправился к ближним тальникам. Он вернулся оттуда с веткой в виде рогатки. Очистил ветку от листьев. Вытянул руку с веткой перед собой, откашлялся и сказал важно:

— Смотри, Абу! Таким вот способом в старину наши деды искали воду под землёй.

Дядя Миша прикрыл глаза и стал осторожно, мелкими шажками, спускаться в овражек. Шёл он как слепец без поводыря. Абу и Нурыш почтительно следовали за ним.

Дядя Миша прошёл овражек, выбрался из него, покружил, покружил и сел в изнеможении, отдуваясь. От него шёл пар.

— Есть вода под нами, — твёрдо сказал дядя Миша. — Ветка дрогнула у меня в руке. Дважды притом! Поняли?

Так и порешили: третью буровую ставить в овражке.

После завтрака буровики пригнали к овражку грузовик с установленным на нём буровым станком, грузовик с бурильными трубами, с бурильным инструментом и всем прочим, что необходимо для бурения.

Дядя Миша и Абу вбили в землю железные колья, натянули растяжки. Когда вышка была укреплена, в неё спустили сверху бурильную трубу, а на нижний конец трубы надели бур. Вышло как бы тяжёлое копьё.

Дядя Миша поднялся на платформу, сказал:

— Поехали!

Запел мотор свою песню, песню на долгие недели, начал вращать копьё. Бур — острей копьё — врезался в землю, уходил в неё всё глубже. Выбуренные столбики породы наполняли трубу.

Вечером дядя Миша передал станок второй смене. Утром третья смена буровиков наращивала копьё — первая труба ушла в землю. Заодно заменили иступившийся бур, выбили из трубы круглые столбики выбуренной породы и разложили их по ящикам.

РАЗГОВОРЫ, РАЗГОВОРЫ...

— А звать мы тебя будем по-благородному, Иннокентием, — сказал Колякин ишаку.

Ишак дремал стоя, с Колякиным на спине.

— Иннокентий, свези меня к дороге — не переломишься, — проговорил Колякин ласково.

Ишак всхрапнул.

— Ну гляди, нисколько не торопится! — рассердился Колякин. — А ведь я не пожалею тебя, Иннокентий, ткну в болячку-то... Понесёшься... будто волка почуял.

По болячке, чем-то напоминавшей пуговицу от дамского пальто, бегала муха. Колякин согнал её и повторил угрозу:

— Не двинешься — ткну... Спроси вот у Шарика, я ведь беда какой решительный.

Услышав своё имя, щенок перестал скрестить лапой за ухом и твякнул.

Ссылка на щенка не помогла. Колякин слез с ишака и снял брючный ремень.

Связав из ремня и бечёвки что-то вроде уздечки, Колякин ухватил ишака за губы, заставил открыть пасть и просунул ремень между его гладких, как леденцы, зубов. Забрался на ишака и тут, устраиваясь, концом ремня нечаянно задел болячку.

Ишак вскинул зад, Колякин слетел на землю.

Он было кинулся вслед, но поехали вниз брюки. Подхватил их, побежал искать ремень. Когда нашёл ремень, ишак исчез, а вместе с ним и щенок.

Как и в первый свой день в Казахстане, Колякин был один-одинёшенек в степи... Он потоптался, оглядываясь. Простиралась вокруг холмистая равнина, жёлтая, в чёрных подпалинах. То были следы степного пожара.

Колякин вытер потный лоб изнанкой кепки, покричал:

— Шарик, Шарик! — и побрёл, сам не зная куда.

Напрасно вздыхал Колякин, жалеючи себя: не оставил его Шарик. Вскоре Колякин услышал в стороне лай, посеменял туда и увидел щенка и уходившего от него ишака.

Стал, наконец, ишак. Щенок лёг перед ним. Не было у него сил радостно тявкнуть при виде хозяина: умирился.

— У меня ноги тоже как батог, не двигаются, — посочувствовал ему Колякин, достал из рюкзака полиэтиленовый мешок с водой, попил. — Так вот пристанешь да падёшь...

Ишак подошёл ближе, затеребил замшевыми ноздрями.

— Тебе не хватит, — сказал Колякин и отдал остатки воды щенку.

Ишак сердито потрянул головой и пошёл прочь.

— Сердит, давно не бит, — проворчал Колякин и потащился за ишаком.

Ишак привёл Колякина и щенка к знакомому оврагу.

Напившись из железной трубы, они спустились в овраг и устроились в тени. Колякин отрезал полбуханки хлеба, покормил щенка. Затем дал кусок ишаку со словами:

— Поперешный ты, Иннокентий, прочистить бы тебя с мохом...

Тихонько задышал во сне щенок. Уснул ишак, бок у него то вздувался, то опадал, так что кожа натягивалась на рёбрах. Не спалось Колякину, вздыхал он, жалея себя.

КТО ВИНОВАТ?

На закате того же дня Ивану Парфентьевичу принесли письмо. Распечатал он его — вот тебе нá, пришло от Колякина то самое письмо, посланное с Урала перед отъездом.

Сидел Иван Парфентьевич и гадал, куда подевался ночью Колякин, что стряслось?

Тут в окне появился шофёр Хвылып и спросил, скоро ли добрался на ишаке гость председателя Павел Петрович?..

Иван Парфентьевич расспросил Хвылыпá обо всём и решил: Павел Петрович поехал в долину, к гидрогеологам. Они его звали поселиться в новом посёлке.

— Словом, с Павлом Петровичем порядок. Но с тобой, Хвылып, надо что-то решать. Человек вон откуда приехал, а тут за его деньгами охотятся. А потом бросают в степи!..

Хвылып обозлился:

— Товарищ председатель, Павел Петрович к вам приехал! С Урала!.. От вас ушёл ночью! А вы на меня валите!

Отправились на площадь, в четыре руки потрясли ночного сторожа, разбудили его, спросили, не произошло ли чего ночью в посёлке? Не видел ли мужичка с рюкзаком и щенком?..

Сторож зевнул бессчётное число раз, выговорил наконец:

— Тот с подносом был. Подозрительный, чего-то на трибуну поставил.

Они поднялись на трибуну. Там, накрыт газеткой, стоял поднос с пирогом.

— А ведь для нас испечён пирог, — сказал Иван Парфентьевич.

Он достал колякинское письмо, прочёл:

— «...А родня надсмехается: что ж, в Казахстане счастье как мороженое продают?.. А я им отвечаю: в Казахстане жизнь солнечная, весёлая. Рассказываю про ваши обычаи, дескать, вечером расставляют на площади столы, несут постряпушки, всякую всячину, кто чем богат. Пируют, костры жгут, песни поют». — Иван Парфентьевич свернул письмо, невесело закончил: — Колякин пацаном был у нас на празднике. Я ему тогда сказал: у нас так заведено, что каждый вечер на площади танцы, столы стоят.

— Шуток не понимает... — сказал Хвылыпп.

— Я тогда не шутил, — сказал Иван Парфентьевич. — Я тогда женился, получил новый трактор, жизнь шла как праздник. Желалось мне, чтоб каждый вечер так вот сходились мы и веселились. Эх, давай пробовать колякинский пирог!

Сняли газету. На чёрном, в мелких цветочках подносе лежал золотистый пирог. Подсох пирог за ночь и слегка зачерствел, но волновал ноздри чистый дух пропечённого теста, смешанный с запахами лука, рыбы и лаврового листа.

— Такой пирог не годится есть на коленях, — сказал Иван Парфентьевич и постучал в окно ближнего дома: — Повечеряйте с нами, хозяева, выносите стол и стулья.

Вынесли хозяева стол и стулья. К колякинскому пирогу поставили на стол трёхлитровую банку кваса, насыпали яблоч-ранеток и полдюжины маленьких, как мячики, ранних арбузов. Из темени тополей на шум голосов вышли парни и девушки, с транзисторами, попросились в застолье. Иван Парфентьевич, припоминая науку колякинских родителей, разрезал рыбный пирог. Снял со своего куска верхнюю корку, откусил от верхней корки, вилкой поддел с нижней пласток рыбы.

Последовало застолье его примеру, хвалили пирог: сроду в здешних местах рыбных пирогов не пекли.

А там пустили транзисторы на всю мощность, пошли плясать.

На следующее утро в долину к гидрогеологам спустился грузовик и подъехал к первой буровой. Выглянул из кабины Хвылыпп, поздоровался с буровиками, и ко второй буровой проехал, там к третьей, а от третьей буровой проехал к лагерю. Ночная смена позавтракала и забралась в палатки спать. За прибранным столом в одиночестве сидел Нурыш, прихлёбывал чай и читал книгу.

Хвылыпп повертелся возле него, отошёл и стал заглядывать в палатки. Около крайней палатки он помедлил, всматриваясь в лицо спящего, затем покашлял.

Остались глухи к его деликатному покашливанию, тогда он закашлял утробно, надувая щёки. Из палатки раздалось бурчание:

— Ну, кого там разобрало... Спать не дадут.

Хвылыпп заговорил:

— Товарищ Колякин!.. Павел Петрович! Это я, Хвылыпп! Наш председатель получил ваше письмо, мы его прочитали! На площади. А ваш пирог с рыбой съели. Все жалеют, что вы не захотели жить в нашем посёлке...

Из палатки в ответ раздалось бурчание.

— Павел Петрович!.. Я вам привёз материал на дом. Председатель вас наградил за геройское спасение отары. — Хвылыпп указал на кузов, где белел тёс, а стёкла оконных рам отражали облака.

Заскрипела раскладушка. Отшатнулся Хвылыпп, из палатки появился дядя Миша в майке и трусах, сердито сказал:

— Что ты здесь лопочешь, спать не даёшь!
— Тю, я думал, вы Колякин, у вас такой же чубчик, — махнул рукой Хвылып.

— Колякина с нами нет, — отозвался из-за стола Нурыш. — Он вроде уехал к вам в посёлок.

Хвылып рассказал буровикам про рыбный пирог, про письмо, про ночную охоту за ишаком.

— Следовательно, Колякин на Урал возвращается, — сказал Нурыш, — обманулся он в Казахстане.

Дядя Миша возразил:

— Заблудился он, ребята! Попутной машины не подвернулось, едет на ишаке, а в степи заблудиться проще простого.

Нурыш включил радиостанцию, сказал в микрофон:

— Алло, геологоразведка!.. Говорит начальник Акжарского гидрогеологического отряда. Доброе утро, дежурный! Из посёлка Тополиная Роща к нам в долину отправился наш друг Колякин Павел Петрович. Он едет на ишаке, с ним щенок, за плечами рюкзак с плотницким инструментом. Причёска — чубчик...

Затянутое шёлком оконце радиостанции гоготнуло мужским басом:

— Га-га... Тот самый Колякин?.. Про которого турист по телевизору рассказывал? У которого сайгак унёс пиджак с деньгами?

— Вы не гогочите, — грозно сказал в микрофон дядя Миша. — Я с Колякиным лазил в колодец, завал пробивали!.. Таких мужиков ещё поискать...

— Заблудился он. Мы просим, чтобы все, кто выезжает или вылетает по вашему заданию, смотрели в оба. Как увидят Колякина, пусть сажают его и везут к нам в долину. Скажите: в долине его ждут друзья, — распорядился Нурыш.

Абу наклонился к микрофону:

— Скажите, здесь его ждёт подарок от сайгака...

— Обещаю, лётчики и шофёры будут предупреждены, — ответило оконце.

Хвылып было полез в кабину. Нурыш окликнул его:

— Погодите!.. Мы сгрузим материал.

Хвылып вздохнул:

— Мне от Колякина расписку треба...

Нурыш написал расписку: «...получили от Ф. Пилипенко два кубометра тёсу, четыре оконных рамы, три дверных коробки, пять брёвен, шифер, рубленую солому...»

— Про солому вычеркните, оце лично от меня, на саман, — сказал Хвылып.

Нурыш подписался: «Товарищ П. П. Колякина».

Буровики стали сгружать тёс, рамы и прочее. Хвылып достал из кабины свёрток, развернул сырую холщовую тряпицу. В ней оказались тополиные черенки.

— Подарок Колякину от Ивана Парфентьевича, — сказал Хвылып.

Он выкопал канавку, положил в неё черенки комлями, присыпал землёй.

ПОДАРОК ОТ САЙГАКА

Проводили Хвылып с наказом предупреждать всех встречных о Колякине — чтобы, дескать, доставили его в долину.

— А теперь, Абу, говори, какой это подарок приготовил сайгак Колякину, — сказал дядя Миша.

— А какой подарок, это мы сейчас придумаем сообща, — ответил Абу.

Погалдели буровики, поспорили. Придумали: из саман-

ных кирпичей выложить приветствие Колякину!.. На склоне, так чтоб видно было при въезде в долину.

— Я умею делать саман, — сказал Нурыш.

Он походил с лопатой по склонам, нашёл глину и вскопал её. В полдень приехала машина — водовозка. Залили водой вскопанное место. Нурыш высыпал в глину рубленую солому, закатал штанины и пошёл месить.

Возвращались со смены буровики, хмурые, усталые, ещё стоял в ушах звон труб. Поглядели-поглядели, как их начальник пляшет в яме, развеселились. Посбрасывали брюки и в трусах с криками «Раздайся!..» попрыгали в яму и пошли месить.

Жижа блестела между комьями. Блестели потные лица и спины буровиков. Звучно, с чмоканьем они вытаскивали ноги и вновь яростно вгоняли их в месиво.

Поглядели: нет комков, глина хорошо отстаёт от лопаты! Готово!

Сбегали, сколотили деревянные формы — ящики без дна, привязали к ним верёвки.

Одни набивали формы глиняной массой, другие волочили формы на склон, там опрокидывали их. Из огромных кирпичей на склоне появлялись буквы за буквой, такие громоздкие, что между слов можно было ездить на машине.

На второй день буровики, продолжая свою весёлую игру, покрыли склон сотнями кирпичей.

Спохватились: ни запятых не стоит, ни точек, ни восклицательных знаков.

Взяли кувалды, тяжёлые зубила и заряд, сели в машину, указали шофёру:

— Гони вон к тому сундуку!..

Подъехали к камню-песчанику, что, как сундук, стоял на склоне горы. Положили под него заряд, отбежали.

Рванул взрыв. Осела пыль, и стало видно: заряд превратил «сундук» в кучу битого камня.

Буровики подогнали машину, стали гулко, с грохотом грузить в кузов камень. Крупные глыбы разбивали кувалдами.

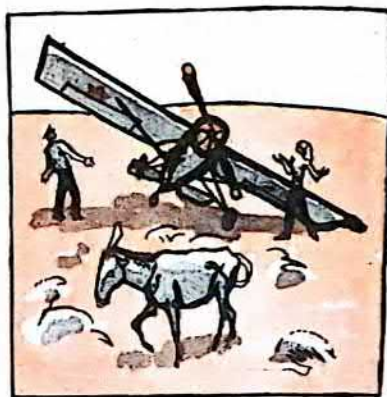
Отвезли камень на склон и там сложили из него точки, запятые и восклицательные знаки.

Тут как очнулись, почувствовали, что измотала их работа. Делать кирпичи по пуду, камень кувалдами дробить — такая работа только в охотку.

Добрались до бака с водой, соскребли, смыли с ног глиняные валенки, а с рук перчатки.

— Ох, Нурыш, — сказал дядя Миша. — Ох, ты, хитрый мужик, придумал с этой надписью. Мы ж на хороший дом наделали кирпичей, мы камня наломали на крепкий фундамент.

ГЛАВА ПЯТАЯ,
в которой сайгак
рассчитался с Колякиным

ПОЖАЛУЙТЕ В САМОЛЕТ!

Лежал Колякин с закрытыми глазами, слушал шорохи ветра, стрекотание кузнечиков и журчание ручейка.

Шум разбудил Колякина. Поблизости приземлился старенький самолёт с крылом, похожим на гладильную доску.

На землю спрыгнули лётчик в синем форменном пиджаке и девушка в брюках и пёстрой кофточке. В руке у неё была пустая банка. Она подставила под струйку ладонь, напилась. Наполнила банку, закрыла её плотной крышкой и сказала лётчику:

— Вкусная вода. Жаль, что скважина оказалась скупа, тут хотели ферму поставить.

Лётчик не ответил. Он увидел подходившего Колякина.

— Скажите, это про вас сообщала радиостанция?.. Будто у вас сайгак утащил пиджак? — спросил лётчик.

Колякин кивнул:

— Было такое дело...

Девушка ему улыбнулась:

— Вас ждут Нурыш и его отряд. Можем вас отвезти к ним!

— Что мне в пустой долине делать?.. Я домой пробираюсь, на Урал... Отвезите меня на станцию.

— Мы, гидрогеологи, на день закупили самолёт! — сказала сердито девушка. — Такой случай. Садитесь, отвезём к Нурышу!

— Не везёте на станцию, так хоть укажите, в какой стороне дорога.

Лётчик махнул рукой — там дорога!

Девушка в сердцах не попрощалась с Колякиным. Он поднял рюкзак, позвал щенка Шарика. И тут раздался вопль лётчика: ишак чесался о крыло самолёта!..

Бросился лётчик к самолёту, но поздно: накренился самолёт, вскинул одно крыло, поддев при том ишака, а вторым упёрся в землю.

Ишак отошёл и лёг в ковыли.

Лётчик подскочил, ухватился за крыло, повис, задрогал ногами. Весу в лётчике, худом и юном, было немного.

— Колякин! — позвала девушка. — Помогите ему!

— А на станцию отвезёте?

— Как вам не стыдно!

— А вам не стыдно бросать меня в степи глухой?..

— У вас есть ишак, а вон дорога.

— А у вас самолёт, а вот небо...

Лётчик помахал Колякину:

— Уговор дорожке денег! Поехали. Согласен! Отвезу на станцию!

Колякин подпрыгнул, ухватился за крыло, потянул, и самолёт выпрямился.

С рюкзаком за спиной и щенком под мышкой Колякин прошёл мимо ишака к самолёту. Ишак лежал на боку. Колякин тронул его носком ботинка. Замшевое ишачье веко собралось шторкой. Глаз, круглый, как куриное яйцо, уставился на Колякина.

— Проститься, и то нисколько не шелохнётся, — с обидой сказал Колякин. — Больно благородный: вся порода инохода, дедушка рысак, и того задавил лешак!

В кабине Колякин по-домашнему развалился на сиденье, обтянутом материей в цветочках. Продавленное сиденье просело под ним.

Дрогнул самолёт, побежал, оборвалась тряска: взлетели. Колякин поглядел вниз и увидел ишака: тот пил из ручья.

А вскоре Колякин уже подрёмывал под шум мотора.

На третьей буровой, в овражке, буровики меняли бур: иступился. Абу метался с тяжёлым ключом, развинчивал трубы. Развинтил, подцепил трубу тросом, крикнул дяде Мише:

— Готово!

Лебёдка заработала, вытянула трубу.

Дядя Миша принёс кувалду, ударил по трубе раз, другой и третий. Выбил из неё круглые столбики выбуренной породы.

Абу тем временем ухватил висящую на тросе трубу, за конец отвёл в сторону. Когда она оказалась над железными подставками, похожими на козлы для пиления дров, он крикнул:

— Давай!

Дядя Миша повернул рычаг, труба с грохотом, со звоном упала на подставки.

Прежде чем вытягивать следующую трубу, буровики сбросили рукавицы, присели отдохнуть. Они были голые по пояс, дышали глубоко, по груди стекали горячие бусинки пота.

Пришёл Нурыш, ссыпал каменные столбики в ящик,

быстро их там перебирал, погромыхая. Выбрал один, показал буровикам:

— Видите белые прожилки? Это соль осела в трещинках. А соль — следы воды.

— Ветка в моей руке не врёт, — сказал дядя Миша. — Дважды дрогнула. Добуримся до воды. Фонтаном ударит! Тем временем поставили новый бур, запустили станок.

ПРАВО ПЕРВОЙ ПОСАДКИ

— Проснитесь! — Лаборантка потрясла Колякина за плечо. — Глядите вниз!..

Сквозь мутный плексиглас колпака он увидел зелёную долину. Дно долины пробили иглы буровых вышек, в углу её кусками рафинада белели палатки.

Лаборантка указывала:

— Сюда глядите! Есть у вас друзья в Казахстане!

Колякин перегнулся, отеснил лаборантку плечом, прильнул лицом к прохладному плексигласу. На склоне гигантскими буквами было выложено:

КОЛЯКИН, ВЕРИ КИРПИЧ, И МЫ В РАСЧЁТЕ!
ХРОМОЙ САЙГАК.

— Никак, про меня? — спросил Колякин. — Как же это?..

— Наши бурят, — сказала девушка. — Нурыш.

— Что, сядем, товарищ Колякин? — спросил лётчик. — Станция от нас не уйдёт!

У лётчика было право первой посадки: право выбирать посадочную площадку. Самолёт коснулся земли, пробежал вдоль ряда огромных саманных букв, замер.

Подожли буровики.

— Вот, ребята, на станцию следую, — сказал Колякин.

— Это почему?

Нурыш обвёл рукой зелёную чашу долины, рыжие горы и облака под ними.

— Здесь поставьте свой дом, в новом посёлке. Улицы будут прямые. В центре парк и площадь с клумбой.

— Что мне площадь с клумбой, — грустно сказал Колякин. — Мне в соседи, в товарищи надо людей добрых, тороватых, тружеников. Весёлых...

— Как захочешь, так тебе здесь и заживётся, — сказал дядя Миша.

— Э, обещали Машке не делать промашки, — усмехнулся Колякин.

Нурыш указал на щенка:

— Будете говорить собаке «вы», и соседи будут говорить своим собакам «вы».

— Где ж я таких соседей возьму?..

— Вы первым поставите здесь свой дом. Первый дом, первый житель — как первое слово в песне.

— Верно! — подхватили буровики. — Первый дом счастливый — весь посёлок по нему.

Колякин вылез из самолёта, с сомнением поковырял ногтем глиняный кирпич, лежавший на земле. Нурыш взял тот кирпич, поднял над головой и опустил. Глухо бухнулся кирпич о землю.

Колякин оглядел кирпич, подивился: «Ни трещинки!» — и вновь засомневался:

— Долго ли простоит дом из сырого кирпича, необожжённого? Не размочит его?

— У нас в Казахстане сухо, дома из сырца долго стоят, — успокоили Колякина.

— А кладут как?

— А кладут в полтора кирпича. Тепло будет зимой, не тревожься.

— А воду найдёте?

— Есть признаки воды, — ответил Нурыш.

Щенок истомился в кабине самолёта. Девушка спустила его на землю. Он заметался вокруг, залаял.

— Шарик, больно вы расшумелись, — сказал щенку Колякин. — Пожалуйста, потише.

— До свидания, Павел Петрович, — сказала на прощание девушка. — Я вас торопила, не сердитесь на меня. Нам ещё сколько скважин надо облететь, взять воду на анализ...

Лётчик подал Колякину красную штангу.

Крючком штанги Колякин зацепил лопасть пропеллера.

— Старт! — крикнул лётчик весело.

— Есть старт! — ответил Колякин, дёрнул, отскочил. Завертелся пропеллер, свист перешёл в рёв.

Самолёт побежал в глубь долины, там взлетел и кузником прыгнул за гору.

КАК ПРИДУМЫВАЛИ ДОМ ДЛЯ КОЛЯКИНА

Между палатками стоял стол, за которым буровики ели. Здесь собирались вечерами послушать транзистор.

Стол отмыли и вытерли. Нурыш расстелил большой белый лист, линией вычертил горы и сказал:

— Дом Колякина — первый дом в долине. Каким он должен быть?

— С башенками по бокам! — сказал Абу.

— Давай с башенками! — согласился Колякин. — Верх башенок застеклим, для обзора, а крыши у них сделаем конусами!

— Ставни рисуйте, пока не забыли, — заторопился дядя Миша. — А на ставнях рыбы, птицы и цветы.

Обсудили устройство дома — где детская, а где спальня для Колякина и жены. Колякин попросил Нурыша сделать в кухне полати, где зимой его хозяйка будет держать лук. А в прихожей, как войдёшь, налево, поставить «приступок».

— Что такое «приступок»? — объяснил дядя Миша. — Лестница, короче говоря. Под ней держат кошачий ящик с песком и по ней же взбираются на печь.

— На какую ещё печь?

— В посёлке будет центральное отопление! — воскликнул Нурыш.

— Ставьте печь, — сказал Колякин, — а там поглядим.

Покончили с домом и взялись устраивать усадьбу. Посреди двора разбили цветник и построили фонтан с круглой чашей, над фонтаном поставили беседку, а цветник окружили яблонями.

— Забор-то поставьте повыше, — озабоченно сказал Колякин.

Буровики хором вознегодовали: что же, выходит, такие у него будут распрекрасные соседи, что яблони обтрясут, цветы растопчут, а в фонтане станут бельё полоскать? Кто, интересно знать, такие порядки в долине заведёт?

Колякин поспешно повинился. Двор обнесли кустами смородины. В углу двора, под кустами, Колякин попросил поставить собачью будку и посадить Шарика на цепь.

Нурыш опустил руки, всем своим видом показывая, в какое отчаяние повергает его колякинская жадность. Колякин поклялся, что ни заборов, ни собак на цепи у него не будет, и компания взялась дружно разбивать огород.

В углу огорода Колякин своей рукой вычертил баньку.

На этом и закончили. Колякин, прежде чем свернуть лист, взял ластик — взял он его, как сладкоежка берёт конфету, двумя пальцами — и стёр след чьего-то грязного пальца.

КАК ЗАКЛАДЫВАЛИ ДОМ

За завтраком Колякин объявил, что отправляется выбирать место для дома.

Дядя Миша и Абу не чаяли, как встать из-за стола и забраться в спальные мешки, — ночь они провели возле буровой установки. Однако когда Колякин вытесал колышки и запихнул в карман ком бечёвки, буровики переглянулись. Какой тут сон — считай, на праздник зовут.

Отправились, хотя погода не благоприятствовала делу: из-за гор показался край лиловой тучи. Туча двигалась на глазах, будто по ту сторону гор проезжали с возом сена. Едва успели побросать в кузов пару мешков цемента, лопаты, кирки, топор и отъехали от лагеря, как туча уже нависла над долиной, а в брюхе её загромыhalo и заворчалось.

Побегала машина между словами из кирпичей, собрала в кузов кучки песчаника — знаки препинания, и тихонько пошла по долине.

Колякин вертел головой, высматривал место для дома. Буровики наперебой окликали его, тянули за руки:

— Сюда глянь, Павел Петрович!.. Нравится?

Колякин глядел из-под руки туда-сюда и наконец сказал с важностью:

— Здесь дом поставлю. Одобряете?

Буровики одобрили. Сгрузили камень-песчаник, собрались было вбивать колышки, как ударил зернистый, с горох, град, и все укрылись под машиной.

Колякин всё высовывался из-под машины, оглядывал место и заявил, когда град кончился, что место это высокомерно малость и хозяйке его будет тяжело подниматься с ведрами к дому.

— Водопровод будет в посёлке, — сказал Нурыш. — Какие ещё ведра!

— Я знаю, знаю, — закивал Колякин, — но всё равно место не самое лучшее.

— Хозяин барин! — вздохнули буровики, погрузили в кузов камень-песчаник, отдышались, растёрли поясницы и плечи.

Теперь Колякин шёл впереди машины. То он приседал, примериваясь, то тянулся на цыпочки и глядел из-под руки.

На этот раз Колякин выбрал место под горой. Радовался:

— Мужики, дом-от у меня будет прикрыт от ветра. Тихо! Отсюда одна гора прикрывает, оттуда вторая.

Сгрузили камень, разместили площадку и уж колышки вбили, как ахнул Колякин, схватился за голову:

— Мужики!.. А ведь солнца здесь не будет. Мрак!

Буровики молчали.

Колякин отвернулся, сказал:

— Вам бы этак вот... Будто кто за рукав меня тянет и шепчет: ищи, лучше место есть!

— Верно, есть такое место, — согласился дядя Миша. — Одно во всей долине. Сейчас град прошёл, а там сухо.

— Это как же?.. Горы прикрывают? Или как? — изумился Колякин.

— Редчайшее сочетание обстоятельств и природных условий, — сказал дядя Миша.

— А дождь там идёт?

— Дождь — это пожалуйста. Как везде.

— И место красивое?.. Ровное?.. Подходящее? Так давай, мужики, поехали!..

— Ну приедем... Выгрузим каменюки, и опять грузить... — начал Нурыш.

— Погрузим, согреемся, — сказал дядя Миша.

Колякин бегал от одних к другим, клялся:

— Слово даю!.. Там дом и заложим!.. Град там не идёт?

— Вот сейчас град сыпал? — спросил дядя Миша.

— Сыпал!

— А там ни горошины.

— Поехали!..

— А не раздумаешь?

— Слово даю!..

Буровики с задором, легко пометали камни в кузов, дядя Миша сел за руль. Грузовик пробежал долину и остановился возле пятна сухой земли.

— Так я это место уже намечал! — рассердился Колякин.

— Правильно! — хором подтвердили буровики.

— И забраковал!

— Правильно!

— А сухо потому, что здесь машина стояла и камни были навалены!

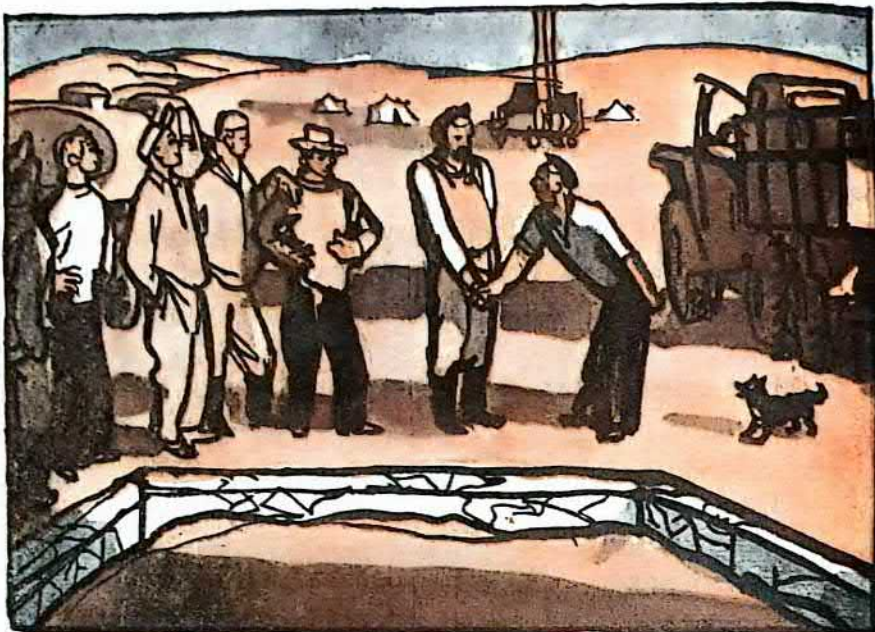
— Тоже правильно!.. Держишь слово?

Колякин уныло махнул рукой.

Разместили площадку, вбили колышки и натянули бечёвку. По ней выкопали траншею. Вызвали из лагеря водовозку, замешали цемент.

Закладывать фундамент — торжественное дело.

Под один угол буровики насыпали монет, сказали: для богатства!

Под второй угол положили конфет: для сладкой жизни!

Отрезали у щенка Шарика клочок шерсти, положили под третий угол: для тепла!..

Заложили в траншею камень. Залили цементным раствором. Готов фундамент. Клади стены, Павел Петрович!

Тучи унесло, тепло было и тихо в долине. По краю степи легла красно-чёрная полоса последней зари.

— Спасибо, мужики, указали самое лучшее место, — сказал Колякин растроганно и пошёл от одного буровика к другому, подавая руку.

Собрались уезжать и увидали в кузове тополиные черенки, подарок Ивана Парфентьевича.

Колякин развернул план усадьбы. Согласно тому плану посадил черенки по сторонам дома и по краю огорода.

Шофёр водовозки снял с крюка ребристый шланг, опустил его в ведро.

Вмиг наполнилось ведро, полетело с руки на руку. Каждый черенок получил в свою лунку ведро воды. Ушла вода в землю, прошитую жёсткими, будто проволочными корнями.

Нурыш сказал пожелание:

— Пусть вырастут они и укроют твой дом от ветров, пусть соберут птиц в свои кроны!

— Ещё бы по ведёрку плеснуть... — попросил Колякин...

Но сказали ему: хватит, дорогá вода, за сто километров гоняем водовозку.

Проснулся Колякин в середине ночи, выбрался из палатки. Тихонько нацедил ведро воды из цистерны и умылся. Пахла вода счастливой речкой — тиной, зелёным листом, корягой. Услышал хозяина Шарик, вылез, появилась его лохматая тень на голубой от луны стене палатки.

Они отыскивали в темноте новостройку. Колякин разделил ведро воды между черенками:

— Пейте, ребятки...

Сел на фундамент. Трогал шершавые глыбы.

Множество звуков наполняло ночь. Щенок слышал: потрескивая, схватывался цемент, выпускали черенки иголки корней, рокотали буровые станки в глубине долины.

ВЫХОДИТ, ДЕЛО НИКУДА НЕ ГОДИТСЯ?

Когда скважина под горой оказалась сухой, её закрыли и перешли на другой участок.

Вторая скважина на бугре обещала воду по всем приметам. Обещанием всё и кончилось: вместо сильной хлещущей струи потекла струйка толщиной в карандаш. Буровую установку перевезли на новое место, осталось на бугре пятно выбитой земли и дырка посреди пятна.

Да и на третьей скважине, у самого дяди Миши, бурение тоже плохо продвигалось: в который раз заклинивало буровой инструмент — каменные пласты зажимали его.

Двигал рычагами дядя Миша, вновь и вновь раскачивал связку бурильных труб, вырывал её из каменных тисков, и ругал проклятое место. Мучение было, а не работа.

— Как-то буровики возвращались со смены мимо новостройки, сели передохнуть.

— Выходит, дело никуда не годится? — спросил Колякин дядю Мишу. — Посёлка не будет?

— Замеси-ка раствор, — вместо ответа сказал дядя Миша. — Я тебе углы выложу.

— Углы!.. Ну, построю дом и буду жить в пустыне безводной?

— Не разговаривай, замешивай раствор.

Только дядя Миша умел чисто выкладывать углы. Колякин вздохнул и пошёл замешивать раствор: когда ещё старый буровой мастер придёт помочь.

Однажды утром на буровую к дяде Мише заглянул Нурыш, посмотрел столбики выбуренной породы, велел дяде Мише остановить станок и сказал:

— Мы уже прошли водный горизонт, а воды нет. И отправился в лагерь за каким-то прибором.

Как на грех, тут из тумана вышел Колякин со своим щенком и услышал эти слова.

Он был в фартуке, видно, собирался столярничать в своём доме, но тишина на буровой его встревожила.

Колякин отозвал в сторону дядю Мишу и потребовал, чтобы он сейчас же вырезал ветку и вновь прошёл бы с ней по овражку.

— Я так думаю, у тебя тогда руки дрожали, — сказал Колякин, — ветка-то и качнулась. Никакой воды тут нетука. И не пахнет!

— Смола ты липучая! — плюнул дядя Миша. — Банный лист!

Он срезал ветку, очистил. В овражке взял её в правую руку, рогатулькой вверх, и вытянул руку вперёд. Едва он сделал первый шаг, как ему под руку поднырнул Колякин и вперился в кулак. Так они двинулись по овражку. Их шаг не совпадал, часто Колякин тыкался носом в кулак дяди Миши, и несколько раз пребольно...

В конце овражка они остановились, отдышались.

— Чего это ветка? — спросил Колякин ехидно. — Отсырела?

— Подавала знак! — ответил дядя Миша раздражённо. — Мне!

— Колыхалась, а я не видел?

— Чего это тебе, удочка?.. Чтоб клевала?

Дядя Миша вскипел, отшвырнул ветку.

Колякин подобрал её, приговаривая: «Успокойся, я сейчас, сейчас», поймал руку дяди Миши и вложил ветку. Затем легонько подтолкнул его: ступай.

— Куда ты меня?

— Туда, где клюёт.

Дядя Миша снова спустился в овраг. На середине овражка ветка в руке у него качнулась.

— Видел?

Колякин заставил дядю Мишу развернуться, вновь они миновали середину овражка, и вновь дрогнула ветка.

— Это кто, говоришь, тебя научил так воду разведывать? — спросил Колякин спокойно.

— Старые колодезники!..

— Плохо тебя учили, — сказал Колякин.

Дядя Миша почесал концом ветки за ухом, засмеялся:

— Банный ты лист, Паша... Это хождение с веткой я затеваю для Нурыша. Слышал, что так вот старые колодезники искали воду. Видишь ли, Нурыш — парень талант, у него нюх на воду, он её под землёй чувствует. А себе не верит. Вот это место, овражек, угадал, по карте тоже выходит, что тут вода. А я с веткой прошёл и ставлю станок, вроде его и не слушаю.

— Он что же, верит твоей ветке?

— Он не ты, носом в мой кулак не тычет... — И тут дядя Миша, видя, что к ним подходит Нурыш, шёпотом закончил: — Ясное дело, не верит он моим веткам!

ВОДА

Нурыш нёс в руке прибор в чёрном кожаном футляре, на плече кольцо провода. Дядя Миша с одобрением пробасил:

— Милое дело, сейчас мы сделаем скважине рентген.

Буровики стали спускать в скважину коробочку на проводе. Нурыш поглядывал на стрелки прибора.

Коробочка застряла, вытянули её и обнаружили: провод запачкан глиной.

— Глина появилась, — рассуждал Нурыш. — А бурили мы граниты... Может, проскочили где пласт, не заметили. А глина сейчас скважину забила, не даёт пробиться воде.

Нурыш послал бензовоз за водой.

Подвозили бензовозом воду, накачивали в скважину, чтобы промыть. Застучал компрессор, запыхтел.

— Хватит! — замахал Нурыш. — Выключай!

Замолк компрессор. В тот же миг пикой ударила в небо глинистая вода, накачанная. Вслед за ней со свистом вырывалась вода, выброшенная подземной силой. Белой гривой развернулся фонтан, тяжело хлестнул по земле, по сапогам, по лицам, по капотам машин.

Встанет в долине посёлок. Скважина наполнит трубы водопровода тугой силой.

Проезжий шофёр остановит машину у колонки на улице. Надавит ручку, ударит из рога колонки струя. Шофёр подденет ладонью струю, закипит вода в ладони. Сунется ртом в кипень, холодом сведёт затылок! Помчит шофёр дальше по горячей степи, унесёт на губах вкус той воды. Долго ладонь будет помнить холод остуженного чугуна.

Соберётся чабан за горы на пастбища, наполнит флягу холодной водой.

Вспомнят ли они о буровиках?

ПРОЩАНИЕ

Уходила колонна, прощались буровики с Колякиным. Тот звал через месяц на новоселье, и они обещались приехать непременно.

Колякин велел буровикам заехать в посёлок под тополями, позвать к нему на новоселье всех, кто пожелает, а уж шофёру Хвылыппу и Ивану Парфентьевичу наказать быть непременно! А ещё Ивану Парфентьевичу сказать, чтоб наловил рыбы на пирог, и побольше — не оскудеет речка, на то лето подрастут две сотни спасённых рыбёшек.

— А так же заверните к моему дружку чабану, скажите, мол, хлеб-соль берём, вас пировать зовём...

— Переведи, — замотал головой Нурыш.

— Пусть барана привезёт, — пояснил дядя Миша.

В последнюю минуту Колякин отозвал в сторону Нурыша и дядю Мишу, спросил:

— Помните ту женщину?.. Красивая такая, из себя представительная?.. Ну, у которой я шкаф уронил с балкона? Надежда Матвеевна зовут... Вот письмо. Передайте ей. Погоди-ко!

Колякин отобрал у Нурыша листок и приписал:

«Сватают, так надо идти».

Обнялись, расцеловались друзья. Ушла колонна за перевал, намечая дорогу, что соединит будущий совхоз с городами и посёлками. Повезут по той дороге кирпич, известь, тёс, пройдут тракторы и отары овец, проедут новосёлы.

Ушла колонна. А Колякин остался около скважины — дом достраивать, гостей ждать.

Через два дня прилетел самолёт. Лаборантка попросила Колякина открыть вентиль. Он открыл, ударила из земли вода, встала белым деревом с ветвями до земли.

Лаборантка, подняв руку с банкой, кинулась под дерево и тут же выскочила с визгом и смехом. Отпила воды, сказала, радуясь солнцу, и долине, и этому водяному дереву:

— На анализ я возьму вашу воду, полагается. Но я и без анализа скажу, что вода у вас чистая и полезная.

Лётчик достал из кабины бумажный свёрток и подал его Колякину:

— Вот, наши лётчики выбрали в степи.

Колякин развернул бумагу, увидел старый железнодорожный китель без рукава и лыжную куртку.

— Не моё, — сказал Колякин. — У меня был пиджак. Размер 52, рост первый, в полоску. Рукава завернуты... Эх, где те полоски, где те рукава.

— Ишак всё бродит вокруг скважины, — сказал на прощание лётчик. — Вас вспоминает.

Улетел самолёт. Стоял Колякин, глядел на белое водяное дерево. Убегал в степь ручей, выискивал понижения, останавливался и вдруг, накопив силу, мчался, раскачивал траву. Бежал за ручьём щенки Шарик, возбуждённо лаял.

Прилетел угод, сел на берег ручья, забегал, закачал хохлом. Подкидывал клювом камешки, искал съедобное. Из-под ног Колякина вылетел щенок, мелькнул в траве. Вспорхнул угод.

Колякин набрал ведро воды, вернулся к дому, полил тополиные черенки. Достал план, расстелил на верстаке и нарисовал водяное дерево.

О КОЛЯКИНЕ ЗНАЮТ

Вернувшись в город, дядя Миша и Нурыш отыскивали директора будущего совхоза. Тот исхудал от забот, так что шляпа у него лежала на ушах.

— Знаю, нашли для нас воду! Благодарю! — сказал он буровикам.

— Отряд просит учесть в проекте нового посёлка нашего товарища, — сказал Нурыш. Он взял из рук директора чертёж посёлка, нарисовал квадратик. — В этом месте он строит свой дом.

— На этом месте клумба! — сказал в гневе директор. — Из какого материала он строит свой дом?

— Из самана.

— В моём посёлке? Дом из глины? Вредитель. — Директор взял ластик и стёр с чертежа колякинский дом.

— Он ведь плотник, — сказал Нурыш. — Колякин.

— А, Колякин? — Директор заликовал. — Вспомнил! Пусть живёт! Тёс есть, шифер есть, а плотников — нету!

Затем дядя Миша и Нурыш по просьбе Колякина отправили телеграмму на Урал:

«Выезжайте на новоселье, берите посуду всю, какая есть. Паша».

Они нашли дом, что горел месяц тому назад, поднялись на четвёртый этаж и позвонили. Открыла известная им Надежда Матвеевна.

— Здравствуйте, мы к вам с приглашением, — сказал Нурыш. — Собирайтесь на новоселье. Место красивое, долина среди гор, дом уютный. Зовут от души. Полагается в таких случаях подарки делать. Уж не поспешите, подарите новосёлу шкаф.

— Какой шкаф? — испугалась Надежда Матвеевна. — У меня денег таких нет!..

— А вы свой шкаф подарите, из гарнитура.

— Нет теперь у меня шкафа, разбили его!

— Вот его и подарите!

— Как?.. — начала она и тут узнала гостей. — На новоселье? К Паше? Дом строит?

— Счастливый дом, — сказал дядя Миша.

— Это где хозяйка в доме, что оладушки в меду?

— Там.

— Где люди одно знают: как друг дружке угодить?

— Где даже собаке «вы» говорят! — поднял палец Нурыш.

Дядя Миша подал ей письмо от Колякина. Она прочла, зарделась, схватилась за щёки, спросила:

— Ехать-то когда к нему?

— Через месяц.

Она подумала, сказала:

— Это вам через месяц, а мне раньше надо: стол готовить.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ, <i>в которой Колякин приехал в Казахстан за счастьем</i>	8
ГЛАВА ВТОРАЯ, <i>которая малёхочко повеселее первой</i>	14
ГЛАВА ТРЕТЬЯ, <i>где Колякин печёт рыбный пирог</i>	40
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, <i>для Колякина грустная глава</i>	57
ГЛАВА ПЯТАЯ, <i>в которой сайгак рассчитался с Колякиным</i>	76

Д Л Я М Л А Д Ш Е Г О Ш К О Л Ь Н О Г О В О З Р А С Т А

Борис Петрович Ряховский

СЧАСТЛИВЫЙ ДОМ

Ответственный редактор Н. А. Терехова. Художественный редактор И. Г. Найдёнова.
Технический редактор Н. Г. Мохова. Корректор Н. Е. Кошелева. Сдано в набор
22/II 1976 г. Подписано к печати 14/VI 1976 г. Формат 70×90/16. Вум. офс. № 1.
Печ. л. 6. Усл. печ. л. 7,02. Уч.-изд. л. 4,27. Тираж 100 000 экз. Заказ № 52.
Цена 33 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература», Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский ордена Трудового
Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР
Росглаволиграфпрома Госкомиздата Совета Министров РСФСР. Калинин, проспект
50-летия Октября, 46.

GardarikaRus+Майская роза

Цена 33 коп.